

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

КЛЁНЫШЕВА Н.Д. (ЛИПЕЦК)

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

О римском браке довольно много написано в зарубежной историографии (имеются в виду труды правового и социологического направления), есть работы и отечественных ученых. Исследователей прежде всего интересуют правовые особенности различных форм римского брака, взаимоотношения супругов, роль женщины в браке и семья как единица социума¹. И это вполне объяснимо, поскольку из дошедших до нас источников, где вообще говорится о римском браке, львиная доля сведений касается юридических особенностей статуса жены, прав, связанных с приданым, прав мужа, детей и т.д. Особенно впечатляющих успехов на этом поприще добились ученые, изучающие социальную историю древности. Исследований, где рассматривается собственно бракосочетание и его ритуалы, а также их трактовка, существует не в пример меньше. Это, прежде всего, соответствующие разделы в монографиях, посвященных римским семейным ритуалам и обрядам вообще². Важное значение имеют также статьи, рассматривающие римские брачные

---

¹ *Corbett P.E.* The Roman Law of Marriage. Oxf., 1930; *Kaser M.* Das Römische Privatrecht. München, 1955; *Crook J.A.* Law and Life of Rome. N.Y., 1967; *Benedek F.* Die conventio in manum und die Förmlichkeiten der Eheschliessung im römischen Recht. Pecs, 1978; *Treggiari S.* Roman Marriage. Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the time of Ulpian. Oxf., 1991; *Dixon S.* The Roman Family. Baltimore, 1992; *Williams G.* Some Aspects of Roman Marriage Ceremonies and Ideals // JRS. 1958. Vol. 48. P. 16–29; *Rawson B.* Roman Concubinage and Other De Facto Marriages // TAPhA. 1974. Vol. 104. P. 279–305; *Shaw B.D.* The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations // JRS. 1987. Vol. 77. P. 30–46; *Freier B.W.* Natural Fertility and Family Limitation in Roman Marriage // CPh. 1994. Vol. 89. P. 318–333; *Смирин В.М.* Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 38–63; *он же.* О некоторых характерных чертах римского брака // Историческая демография докапиталистических обществ Запада и Востока. М., 1988. С. 48–60.

² *Marquardt J., Mau A.* Das Privatleben der Römer. Leipzig, 1879; *De-Marchi A.* Il culto privato di Roma antica. Milano, 1896. Vol. 1, *Samter E.* Familienfeste der Griechen und Römer. B., 1901; *idem.* Geburt, Hochzeit und Tod. Leipzig, 1912 (к сожалению, работы Е. Замтера остались мне недоступны); *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. Из научно-популярных работ можно назвать следующие: *Johnston H.W.* The Private Life of the Romans. L., 1903, revised by M.J. Scott in 1939; *Balsdon J.P.* Roman Women. Their History and Habits. L., 1962; *Fowler W.W.* Social Life at Rome in the Age of Cicero. L., 1964. Авторы этих работ оговаривают, что ориентировались на исследования Й. Марквардта, А. Мау, А. Де-Марки и Е. Замтера, и не претендуют на более глубокое изучение соответствующей темы, а сами труды предназначены для студентов, изучающих античность.

ритуалы³. Задачей данного исследования также является рассмотрение не правового, а в первую очередь ритуального аспекта церемонии бракосочетания. Для изучения и реконструкции брачных церемоний наиболее ценными являются сообщения Плутарха, Сервия, Катутла, Феста, в меньшей степени - Плавта, Варрона и Плиния. Необходимо отметить, что хотя сведения традиции кажутся более или менее подробными, все же реконструкция ритуалов затруднительна и может быть только приблизительной.

Известно, что в древнем Риме было несколько видов брака. Самой древней формой была конфарреация (*confarreatio*). В историографии уже отмечалось, что конфарреация отличалась от других видов брака (коэмпция, узус – *coemptio, usus*) прежде всего наличием дополнительных религиозных церемоний⁴. Это не удивительно, поскольку этот брак был необходим для некоторых жреческих должностей. Но он довольно рано исчез в силу сложности самой церемонии. О религиозной стороне остальных форм римского брака судить сложнее ввиду недостатка данных. По мнению Й. Марквардта, все виды браков, кроме конфарреации, рассматривались как гражданские, то есть не были заключены ни по публичному, ни по сакральному праву⁵. Другие исследователи высказывают более осторожную точку зрения по этому поводу. Так, Э. Леонхард полагает эту форму брака всего лишь более торжественной, чем прочие⁶. Д.П. Хармон на основании данных юридических источников, в частности Модестина (*Dig. XXIII.2.1*), тоже не выделяет конфарреацию как единственный сакральный брак среди гражданских. Но, по его мнению, другие формы брака, в частности, коэмпция, также сопровождалась сакральными церемониями⁷. Сакральное содержание брачной процедуры вполне логично и ожидаемо, учитывая значимость брака и в частной жизни, и в жизни общины. Именно эта сложная проблема – религиозные элементы, их значение и смысл в других формах брака помимо конфарреации – будет

³ *Fowler W. Confarreatio. A Study of Patrician Usage // JRS. 1916. Vol. 6. P. 185–195; Harmon D.P. The Family Festivals of Rome // ANRW. 1978. P. 1592–1603.*

⁴ *Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 33; De-Marchi A. Op. cit. Vol. 1. P. 155–157; Fowler W. Confarreatio. A Study of Patrician Usage // JRS. 1916. Vol. 6. P. 185–195; Harmon D.P. Op. cit. P. 1598; Latte K. Op. cit. S. 96–97.*

⁵ *Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 35.*

⁶ *Leonhard E. Confarreatio // RE. 1900. Hbd. 7. Sp. 862–863.*

⁷ *Harmon D.P. Op. cit. P. 1598–1599.*

рассмотрена в данной статье. По всей видимости, они в целом сопровождались одинаковыми ритуалами.

Свадьбе предшествовала помолвка – *sponsalia*. Насколько можно судить по данным традиции, она не сопровождалась какими-либо ритуалами; сватовство было юридическим актом⁸. Формула *Spondesne?* – *Spondeo* общеизвестна не только в отношении брака, но и деловой жизни. Согласно «Дигестам», «для совершения брачного сговора достаточно простого изъявления согласия», причем во времена Ульпиана допускалось «сговаривать отсутствующую за отсутствующего», но с условием, что «сговор совершается с ведома тех, кто отсутствует, или если они после на это согласятся» (*Dig.* XXIII.1.4–5. Здесь и далее перевод «Дигест» А.В. Щеголева). Кроме того, «при брачном сговоре не имеет никакого значения, составляется ли письменное показание свидетелей или же кто-либо совершает сговор без составления письменного документа» (*Dig.* XXIII.1.7). Таким образом, обручение могло быть зафиксировано документом, а могло быть устным. Брачный возраст для мальчиков составлял 14 лет, для девочек – 12 (*Gai.* I.196; *Dig.* XXIII.2.4 [Rompr.]). Особенностью помолвки являлось то, что «при совершении брачного сговора (*sponsalia*) возраст сговаривающихся не определен, как при браке. В силу этого сговор может быть произведен и в раннем возрасте, если только оба лица (и жених, и невеста) понимают, что совершается сговор, то есть если им не меньше семи лет» (*Dig.* XXIII.1.14).

У Плавта сватовство осуществляет либо отец, либо сводник, либо сам жених. Как известно, согласие на брак давал отец или опекун (*Dig.* XXIII.1.13–14). Жених мог дать невесте залог исполнения своего обещания жениться – кольцо⁹. Это кольцо, согласно Исидору, невеста носила на четвертом пальце, и оно служило знаком, связавшим сердца жениха и невесты¹⁰.

⁸ Plaut. *Aul.* 220–237, 241–242; *Curcul.* 672–678; *Poen.* 1156–1159; Varro. *LL.* VI.69–72; Terent. *Andr.* 77, 101; *Dig.* XXIII.1.2.

⁹ Plin. *NH.* XXXIII.12: *Etiamnunc sponsae muneris vice ferreus annulus mittitur isque sine gemma*; *Dig.* XXIV.1.36.1: *Sponsus alienum anulum sponsae muneris misit et post nuptas pro eo suum dedit...*; Isidor. *Or.* 19.32.4: *Feminae non usae anulis nisi quos virgini sponsus miserat*; Tertull. *Apol.* 6: *Aurum nulla norat praeter uno digito, quem sponsus oppignerasset pronubo anulo.*

¹⁰ Isidor. *De Eccl. off.* II.2.20: *Quod in primis anulus a sponso sponsae datur, fit hoc nimirum vel propter mutuae fidei signum vel propter id magis, ut eodem pignore eorum corda iungantur. Unde et quarto digito anulus idem inseritur.*

День свадьбы выбирали таким образом, чтобы он не выпал на несчастливое время. Таким временем римляне считали, во-первых, дни, посвященные духам мертвых – лемурии, паренталии, фералии, а также те три дня, когда осуществлялся ритуал под названием *mundus patet*, также связанный с почитанием умерших¹¹. Иды, календы и ноны также считались неблагоприятными¹². Традиция сходится в том, что после нон следующий день – «черный», так как римское войско тогда потерпело поражение¹³. Плутарх в «Римских вопросах» спрашивает: «Откуда обычай в праздничные дни выходить замуж не девушкам, а вдовам?» (Plut. *Quaest. Rom.* 105). Из этого можно заключить, что для первого брака и праздничные дни считались неподходящими. Первого марта, в день шествия салиев, Овидий (*Fast.* III.393–396) рекомендует: «Девушка, свадьбу отсрочь, хоть вы и торопитесь оба: / В малой отсрочке теперь радость большую найдешь. / К битвам оружие ведет, а битвы противны супругам; / Спрячут оружие – для вас будет примета к добру».

Предание сохранило достаточно сведений о свадебной одежде невесты, но об одежде жениха почти не говорится. Насколько можно судить, только Катулл сообщает (LXI.6–10):

«Окружи же виски цветком,
Майораном благоухай,

¹¹ Ovid. *Fast.* V.487–490: «И ни вдове в эти дни, ни девице праздновать свадьбу / Не подобает никак: долгим не будет их век. / Вот почему я скажу, если ты пословицам веришь: / В мае, народ говорит, замуж идти не к добру...» (перевод Ф. Петровского). О ритуале *mundus patet* см.: Fowler W. *Mundus patet*: 24th August, 5th October, 8th November // JRS. 1912. Vol. 5. P. 25–33.

¹² Macr. *Sat.* I.15.21–22: *Nec hoc praetermisirim quod nuptiis copulandis kalendas nonas et idas religiosas, id est devitandas, censuerunt. Hi enim dies praeter nonas feriatum sunt, feriis autem vim cuiquam fieri piaculare est: ideo tunc vitantur nuptiae in quibus vis fieri virgini videtur. Sed Verrium Flaccum iuris pontificii per-tissimum dicere solitum refert Varro, quia feriis tergere veteres fossas liceret, novas facere ius non est, ideo magis viduis quam virginibus idoneas esse ferias ad nubendum. Subiciet aliquis: cur ergo nonis, si feriatum dies non est, prohibetur celebritas nuptiarum. Huius quoque rei in aperto causa est. Nam quia primus nuptiarum dies verecundiae datur, postridie autem nuptam in domo viri dominium incipere oportet adipisci et rem facere divinam, omnes autem postridiani dies seu post kalendas sive post nonas idusve ex aequo atrii sunt, ideo et nonas inhabiles nuptiis esse dixerant, ne nupta aut postero die libertatem auspicaretur uxorem aut atro immolaret quo nefas est sacra celebriari.*

¹³ Ovid. *Fast.* I.57; Macr. *Sat.* I.15.21–22; Fest. P.178 M, s.v. nonarum: *Nonarum, Id>uum, Kalen<darum dies> . . . <n>ovae nuptae . . . trum inlucisce. . . <atri hi d>ies esse iudica<ti sunt, quod quotienscumque Romani du>ces belli ge<rendi gratia his diebus supplicaverunt, mal>e rempublicam ges<erunt.*

*С огненной фатой сюда
Ты иди белой стопой,
В обувь алую вдетой»¹⁴.*

Таким образом, жених надевает фламмеум и желтую щегольскую обувь, на голове его венки. Можно предположить, что венки тоже составлены из т.н. вербен, как и венки невесты (см. ниже). На римских рельефах, изображающих жениха и невесту, жених может изображаться и с покрытой головой, и с непокрытой. У Катулла все это выглядит как нарядная одежда, и никакого ритуального значения она не имеет.

Об одежде невесты сообщается подробнее. Накануне свадьбы невеста посвящала богам свою повседневную одежду, а также игрушки¹⁵. Сообщения об этом сохранились у поздних комментаторов, иногда со ссылкой на их предшественников, прежде всего на Варрона¹⁶. Й. Маркварт предполагает, что свою девичью одежду невеста посвящала Ларам в отчем доме¹⁷.

Одежду, которую надевала невеста накануне бракосочетания, перечисляет Фест: белая *tunica recta* («прямая туника», называемая также *regilla*) с вертикально направленными нитями и золотистого цвета сетка для головы¹⁸. Фест сообщает также, что «прямую тунику» следовало ткать сверху вниз, и притом стоя, и что это была одежда «взрослая»¹⁹. В этом наряде, как можно понять, невеста должна была переночевать в доме отца в последний раз. Собственно свадебная одежда включала и другие детали. Невеста надевала ту же тунику, подпоясывала шерстяным поясом (*cingulum*)²⁰, завязанным особым узлом (*nodus herculeus*). На голову она надевала

¹⁴ *Cinge tempora floribus / suave olentis amaraci, / flammeum cape, laetus huc, / huc veni, niveo gerens / luteum pede soccum.*

¹⁵ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 42.

¹⁶ Наиболее полный материал собран у Й. Марквардта, который указывает следующие источники: Schol. Cruq. Ad Hor. Sat. I.5.69; Non. P. 189; 538.14; Arnob. II.67; Pers. II.70.

¹⁷ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 42.

¹⁸ Fest. P. 286 M: *regillis tunicis albis, et reticulis luteis utrisque rectis, textis sursum versum a stantibus pridie nuptiarum diem virgines indutae cubitum ibant ominis causa, ut etiam in togis virilibus dandis observari solet.*

¹⁹ Fest. 277 M: *Rectae appellantur vestimenta virilia, quae patres liberis suis conficienda curant ominis causa, ita usurpata, quod a stantibus et in altitudinem texuntur.*

²⁰ Fest. P. 63 M, s.v. cingillo.

красное (или шафранного цвета) покрывало (*flammeum*)²¹. Волосы невесты были расчесаны особым образом: их разделяли на шесть прядей (*crines*)²². Для этого использовалось, как сообщает Овидий (*Fast.* II.560), *hasta recurva* – «загнутое копьё». Когда Плутрах задается вопросом: «Почему волосы у новобрачных разделяют на пробор острием копья?» (*Quaes. Rom.* 87), он использует слово *δοράτιον*, «копьецо». У Феста данный предмет носит название *hasta coelibraris*²³. Кроме того, невеста надевала венок из «вербен», собранных ею самой²⁴. Сервий говорит, что «вербенами» называются вечнозеленые кустарники с приятным запахом и что так именуется вся священная зелень, такая как лавр, олива и мирт²⁵. Эти растения наравне с розмарином рассматривались как очищающие или как средство, чтобы отогнать злых духов²⁶. Согласно Каталлу, обувь невесты была желтого цвета (LXI.10).

Авторы, сообщающие об одежде невесты, крайне редко объясняют те или иные особенности ее туалета. О *tunica recta* рассказывает Фест, но никак не проясняет, с чем было связано использование именно такого вида туники. Он, как было отмечено выше, говорит лишь, что это – одежда для взрослых. Трудно сказать также, поче-

²¹ Mart. XII.42.3–4: *Praeluxere faces, velarunt flammea vultus, / Nec tua defuerunt verba, Talasse, tibi; Iuv. II.124–126: segmenta et longos habitus et flammea sumit / arcano qui sacra ferens nutantia loro / sudavit clipeis ancilibus; Catull. 61.114–115: tollite, o pueri, faces: / flammeum video venire; Plin. NH. XXI.46: lutei video honorem antiquissimum, in nuptialibus flammeis totum feminis concessum, et fortassis ideo non numerari inter principales, hoc est communes maribus ac feminis, quoniam societas principatum dedit; Fest. P. 89 M: flammeo amicitur nubens.*

²² Fest. P. 339 M: *Senis crinibus nubentes ornatur, quod is ornatus vetustissimus fuit; Plaut. Most. 224–225: Si tibi sat acceptum est fore tibi victum sempiternum / atque illum amatorem tibi proprium futurum in vita, / soli gerundum censeo morem et capiundas crines.*

²³ Fest. 62–63 M: *coelibriari hasta caput nubentes comebatur, quae in corpore gladiatoris stetisset abiecti occisique ut, quemadmodum illa coniuncta fuerit cum corpore gladiatoris, sic ipsa cum viro sit; vel quia matronae Iunonis Curitis in tutela sint, quae ita appellabatur a ferenda hasta, quae lingua Sabinorum Curis dicitur; vel quod fortes viros genituras ominetur; vel quod nuptiali iure imperio viri subiicitur nubens, quia hasta summa armorum et imperii est. Quam ob causam viri fortes ea donantur et captive sub eadem veneunt, quos Graeci δορυαλώτους et δορυκτήτους vocant.*

²⁴ Fest. P. 63 M: *Corollam nova nupta de floribus verbenis herbisque a se lectus sub amiculo.*

²⁵ Serv. *Ad Ecl.* VIII.65: *verbenae dicuntur virgulta, quae semper virent, iucundi odoris; Ad Aen.* XII.120: *verbenas... vocamur omnes frondes sacratas, ut est laurus, oliva vel myrtus.*

²⁶ Schuster M. *Verbena* // RE. 1955. Reihe 2. Hbd. 15. Sp. 974–975.

му ее ткнут особым образом. Шерстяной пояс и «гераклов узел» объяснить проще. Шерсть вообще имела важное значение в свадебных обрядах. «Гераклов узел», согласно Плинию (NH. XXVIII.63), способствовал быстрейшему заживлению ран, а пояс с таким узлом помогал сохранить силу тела. По поводу особой прически для невесты какие-либо сведения не сохранились. Фест (Р. 62–63 М) предлагает свою трактовку обычая причесывать невесту острием копья. «Невестам убирали голову при помощи *coelibriari hasta*, которое находилось в теле поверженного и убитого гладиатора, ведь точно так же оно было соединено с телом гладиатора, как сама она с мужем; или потому что матроны (находятся) под покровительством Юноны Куриты, которая названа (так) из-за ношения копья, каковое на языке сабинян называется «курис»; или так как предвещает рождение смелых мужей; или же потому, что по брачному праву подчинена жена власти мужа, так как копье есть суть оружия и власти». Относительно веры в особую магическую силу копья, извлеченного из тела гладиатора, Й. Марквардт замечает, что это суеверие, возможно, позднего происхождения, точно так же, как приписывание особой силы крови, печени, одежде гладиатора или же кинжалу, которым он был убит²⁷.

Собственно свадебный обряд, насколько можно судить, происходил и в доме невесты, и в доме будущего супруга. Однако в точности реконструировать его довольно сложно: источники сохранили разрозненные сведения, которые могут являть различающиеся в деталях картины.

Традиция часто сообщает об ауспициях, которые сопровождают свадебный ритуал²⁸. Однако нельзя точно сказать, как именно они происходили. Ауспиции во время Поздней Республики были, как пишет Д. Шайд, «одним из формальных элементов, необходимых для того, чтобы решение стало законным в соответствии с публичным правом»²⁹. Однако чем являлись ауспиции в частных религиоз-

²⁷ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 44. Anm. 5.

²⁸ Cic. *De div.* I.16.28: *Nihil fere quondam maioris rei nisi auspicato ne privatum quidem gerebatur, quod etiam nunc nuptiarum auspices declarant, qui re omissa nomen tantum tenent*; Val. Max. II.1.1: *Apud antiquos non solum publice, sed etiam privatim nihil gerebatur nisi auspicio prius sumpto. Quo ex more nuptiis etiam nunc auspices interponuntur, qui, quamvis auspicia petere desierint, ipso tamen nomine veteris consuetudinis uestigia usurpantur.* Serv. *Ad Aen.* IV.45: *Varro de pudicitia ait, auspices appellatos ab auspiciis, quae ab marito et nova nupta per hos auspices captabantur in nuptiis.* Serv. *Ad Aen.* I.34; III.136; IV.166.

²⁹ Шайд Д. Религия римлян. М., 2006. С. 124.

ных ритуалах? Согласно Цицерону, «некогда почти ни одно сколь-либо значительное дело, даже частного лица, не совершалось без ауспий, о чем свидетельствуют также ауспии, совершаемые ныне перед бракосочетанием, которые, впрочем, только названием своим напоминают прежний обряд» (*De div.* I.28. Перев. М.И. Рижского). Чуть ранее здесь же он сожалеет о том, что многие ауспии в его время заброшены и отставлены. Валерий Максим вслед за Цицероном говорит, что на свадьбах присутствуют жрецы, которые, хотя и пренебрегают теперь ауспиями, но все же самым присутствием своим сохраняют остатки древнего обычая (II.1.1). Возникает вопрос, что было бы, если бы ауспии оказались несчастливymi? Следовало ли в таком случае отказаться от свадьбы? Скорее всего, как и в общественном культе, при брачных ауспиях речь шла лишь о выборе дня осуществления задуманного мероприятия, в данном случае – свадьбы. И хотя ауспии во времена поздней Республики и Империи могли стать формальностью, однако они не только легитимировали бракосочетание, но и подтверждали сакральное значение брака. Возможно, эти ауспии призваны были узнать волю Юноны Пронубы как покровительницы брака.

Из двух сообщений традиции складывается впечатление, что волю богов о бракосочетании узнавали не только при помощи ауспий. Цицерон рассказывает, что Цецилия Метелла желала выдать замуж свою племянницу и отправилась вместе с ней в некий храм, чтобы получить знак о замужестве. Цецилия Метелла сидела, а девушка стояла. Обе напрасно прождали некоего голоса, и, наконец, усталая девушка попросила тетку уступить ей стул, что и было сделано со следующими словами: «Охотно, моя девочка, уступаю тебе мое место». Это и оказалось необходимым знаменем. «Она сама (Цецилия – Н. К.) вскоре умерла, девушка же вышла замуж (за того), которому Цецилия была женой» (*De div.* I.104. Перев. М.И. Рижского). Валерий Максим почти дословно передает эту легенду (I.5.4). Очевидно, женщины ждали вообще хоть какого-нибудь знамения о замужестве девушки.

Далее, как можно предположить, в доме невесты происходил собственно ритуал бракосочетания. В общих чертах он выглядит следующим образом. Жених в сопровождении друзей приходил в дом невесты. Когда собирались гости, им сообщали результат ауспий, и тогда начиналось собственно бракосочетание. При конфарреационном браке жених и невеста подтверждали свое согласие

в присутствии десяти свидетелей; на этой церемонии присутствовал великий понтифик и фламмин Юпитера³⁰. Традиция сообщает также о пронубе, которая обязательно приглашалась на свадьбу и совершала некий ритуал. Согласно Фесту, пронуба – это женщина, которая замужем была единожды, что предвещало непрерывность брака³¹. По Сервию, цитирующему Варрона, пронуба окутывает молодоженов покрывалом³². На римских рельефах можно видеть жениха и невесту, позади которых стоит женщина, накидывая на обоих покрывало; правые руки жениха и невесты соединены (*dextrarum iunctio*, см. рис. 1, 2). Хекенбах утверждает, что пронуба подводила невесту к жениху, чтобы соединить правые руки молодоженов³³. Однако в традиции об этом нет сведений, хотя предположение не лишено логики. После этого приносили бескровную жертву Юпитеру. На конфарреационной церемонии в жертву приносили овцу (*Serv. Ad Aen. IV.374*). Фламмин Юпитера взывал к брачным богам, в особенности Юноне Пронубе, а молодые тем временем сидели на стульях, покрытых шкурой принесенной в жертву овцы³⁴. Возможно, что-нибудь подобное (жертвоприношение и взывание к божественной покровительнице брака) имело место и в других случаях. С браком, кроме Юноны, были связаны Церера, Теллус, а также Пикумн и Пилумн³⁵. Плутарх называет греческих богов Зевса, Геру, Афродиту, Пейто и Артемиду как аналоги римских (*Quaes. Rom. 2*). Кроме того, в историографии XIX – начала XX в. в реконструкции свадебного ритуала указывается следующая деталь: жених с невестой шли вокруг алтаря, а камилл нес

³⁰ Ulp. *Fr. IX: farreo convenitur in manum certis verbis et testibus X praesentibus et solemni sacrificio facto, in quo panis quoque farreus adhibetur*; *Serv. Ad Georg. I.31: tribus enim modis apud veteres nuptiae fiebant:... farre, cum per pontificem maximum et Dialem flaminem per fruges et molam salsam coniungebantur, unde confarreatio appellabatur, ex quibus nuptiis patrimi et matrimi nascebantur...*; *Gai. I.112*.

³¹ *Fest. P. 242 M: Pronubae adhibentur nuptis, quae semel nupserunt, ut matrimonii perpetuitatem auspicantes.*

³² *Serv. Ad Aen. IV.166: Varro pronubam dicit quae ante nupsit et quae unitantum nupta est: ideoque auspices deliguntur ad nuptias.*

³³ *Heckenbach J. Hochzeit // RE. 1913. Hbd. 8. Sp. 2132.*

³⁴ *Serv. Ad Aen. IV.374: Mos enim apud veteris fuit flamini ac flaminicae, dum per confarreationem in nuptias convenirent, sellas duas iugatas ovilla pelle superiniecta poni eius ovis, quae hostia fuisset, ut ibi nubentes velatis capitibus in confarreatione flamen ac flaminica residerent... Quod cum eo sedeat, dum confarreatur.*

³⁵ *Serv. Ad Aen. IV.58, 166; Fest. P. 87 M; Non. P. 528 L: Pilmunus et Picumnus dii praesides auspiciis coniugalibus deputantur.*

перед ними корзину (*cumerum*)³⁶. Действительно, Фест разъясняет, что *cumerum* – это свадебный сосуд (*vas nuptiale*), каковой несли на свадьбах, и в котором была свадебная утварь (*nubentis utensilia*)³⁷. Сервий рассказывает, что матроны при домашних жертвоприношениях шли вокруг алтаря³⁸. Что касается Валерия Флакка, то в его стихотворении говорится не о женихе и невесте, а о супругах³⁹. В целом, реконструкция Й. Марквардта и Хекенбаха выглядит логичной. Однако это уточнение либо игнорируется частью исследователей, либо вообще не упоминается без всякого объяснения или дискуссии⁴⁰.

Затем начинался свадебный пир, после которого невесту затемно торжественно провожали в дом мужа. Жених вырывал невесту из рук матери, и процессия двигалась в дом жениха. Невесту вели двое мальчиков, перед ними шел мальчик с факелом, причем факел этот, судя по данным источников, чем-то отличался от прочих. По данным Феста, факел сделан из терновника (*spina alba* – Fest. P 245 M). По Сервию, этот факел то ли из рога, то ли рогообразный, то ли кизилковый (*corneus*)⁴¹. Трое мальчиков, о которых говорит Фест, должны были непременно быть *patrimi et matrimi*⁴². Согласно Плутарху, факельщиков обязательно должно быть пять

³⁶ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 49; Heckenbach. Op. cit. Sp. 2132–2133.

³⁷ Fest. P. 50 M: *cumerum vas nuptiale a similitudine cumerarum, quae fiunt palmeae vel sparteae ad usum popularem, sic appellatum*; P. 63 M: *cumerum vocabant antiqui vas quoddam, quod opertum in nuptiis ferebant, in quo erant nubentis utensilia, quod et camillum dicebant, eo, quod sacrorum ministrum κάσιλλον appellabant*. Cp. Varro. LL. VII.34.

³⁸ Serv. Ad Aen. IV.62: *spatiatur ad aras matronae enim sacrificaturae circa aras faculas tenentes ferebantur, quod cum quodam gestu fiebat: unde Sallustius “saltare elegantius quam necesse est probae”. quidam genus sacrificii appellant, quo veteres cum aras circumirent et rursus se converterent et deinde consisterent, dicebant minusculum sacrum*.

³⁹ Val. Flacc. 243–246: *inde ubi sacrificas cum coniuge venit ad aras / Aesonides unaque adeunt pariterque precari / incipiunt, ignem Pollux undamque iugalem / praetulit et dextrum pariter vertuntur in orbem*.

⁴⁰ А. Де Марки (op. cit. P. 147–165) и Д.П. Хармон (op. cit. P. 1598–1600) не упоминают обход вокруг алтаря и участие в нем камилла. Мантл (*Mantle I.C. The Roles of Children in Roman Religion // GR. 2002. Vol. 49. P. 99–102.*), говоря об участии детей в свадебных обрядах, упоминает данные Варрона (LL. VII.34), но не делает из них указанного выше вывода.

⁴¹ Serv. Ad Ecl. VIII.29: *corneae sane faces, quae quasi diutissime luceant: quas rapiunt tamquam vitae praesidia; namque his qui sunt potiti diutius feruntur vixisse*.

⁴² Fest. P. 245 M: *Patrimi et matrimi pueri praetextati tres nubentem deducunt; unus, qui facem praefert ex spina alba, quia noctu nubebant; duo, qui tenent nubentem*.

(*Quaes. Rom.* 2). Фест говорит, что факелы на свадьбах несут в честь Цереры⁴³. В свадебной процессии участвовали родственники, друзья и зеваки. Трудно сказать, шла ли вместе с ними пронуба, а в случае конфарреационного брака, присоединялись ли жрецы. В шествии шли флейтисты, участники запевали фесценнину⁴⁴. Слова фесценнины, адресованные жениху, могли быть даже грубыми или скабрёзными. Раздавались выкрики «Таласий!» (*Plut. Quaes. Rom.* 31) и «Гименей!»⁴⁵ Мальчикам, участвовавшим в процессии, бросали орехи⁴⁶. Орехи (*iuglandes* – «грецкие»), согласно Сервию, это символы Юпитера⁴⁷. Он дает и другое, более фривольное объяснение⁴⁸. И у Феста, и у Сервия орехи (*nuces*) нужны для благого предзнаменования (*Paul. P.* 174 M; *Serv. Ad Ecl.* VIII.29), причем они обязательно должны упасть на землю (*Serv. Ibid.*).

Сервий сообщает, что по прибытии к дому мужа новобрачная смазывала дверные косяки маслом (*oleo*) и украшала шерстяными повязками (*laneis vittis*)⁴⁹. Однако у Плутарха (*Quaes. Rom.* 31) не женщина, а мужчина украшает шерстью вход в дом. Интересно, что *vitta* – это не только головная повязка жрецов (в том числе весталок), но и священная (ее повязывали жертвенным животным, украшали статуи богов), и символ слезной просьбы⁵⁰. Ниже в том же пассаже Сервий говорит, что молодая смазывала дверные косяки волчьим жиром (*unguine lupino*). Он дает следующие объяснения: именно волчий жир использовался либо потому, что это универ-

⁴³ *Paul. ex Fest. P.* 87 M, s.v. *facem: facem in nuptiis in honorem Cereris praeferebant; aqua aspergebatur nova nupta, sive ut casta puraque ad virum veniret, sive ut ignem atque aquam cum viro communicaret.*

⁴⁴ *Fest. P.* 245 M: *Praetextum sermonem quidam putant dici, quod praetextatis nefas sit obsceno verbo uti: aliquod nubentibus depositis praetextis a multitudine puerorum obscena clamentur.* *Catull.* 61.126–127.

⁴⁵ *Catull.* LXI.117–118; 62.5; *Ter. Adelph.* 906; *Plaut. Cas.* 800.

⁴⁶ *Paul. ex Fest. P.* 174 M, s.v. *nuces: nucis flagitantur nuptis et iaciuntur pueris, ut novae nuptae intranti domum novi mariti secundum fiat auspiciam.* *Catull.* 61.128–133, 140.

⁴⁷ *Serv. Ad Ecl.* VIII.29: *idem Varro spargendarum nucum hanc dicit esse rationem, ut Iovis omine matrimonium celebretur, ut nupta matrona sit, sicut Iuno: nam nucis in tutela sunt Iovis, unde et iuglandes vocantur, quasi Iovis glandes.*

⁴⁸ *Ibid.*: *nam illud vulgare est, ideo spargi nucis, ut rapientibus pueris fiat strepitus, ne puellae vox virginitatem deponentis possit audiri.*

⁴⁹ *Serv. Ad Aen.* IV.458: *moris enim fuerat, ut nubentes puellae, simul venissent ad limen mariti, postes antequam ingrederentur, propter auspiciam castitatis, ornarent laneis vittis: unde ait „velleribus niveis“: et oleo ungerent, unde uxores dictae sunt, quasi unxores.*

⁵⁰ *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 829.

сальное лекарство от болезней, либо потому, что Ромула и Рема вскормила волчица, либо по той причине, что волчица остается верной своему волку всю жизнь и не находит второго супруга⁵¹. Использование обработанной шерсти (*lanificium*) является символом того, что невеста обязуется пряхть в доме мужа. У Нония (531 L. 8) есть сообщение, что невеста приносила жертву ларам. Затем «проводящие» переносили невесту через порог в атриум⁵². Плутарх (*Quaes. Rom.* 31) говорит, что «когда невесту вводят в дом, ей под ноги стелют овчину, сама она вносит прялку и веретено» (*Quaes. Rom.* 31).

Проводился некий ритуал, связанный с огнем и водой, но описания его разнятся. Плутарх пишет, что новобрачную заставляют (*κελεύουσι*) прикасаться к огню и воде (*Quaes. Rom.* 1). Фест (р. 87 M) указывает, что невесту окропляли (*aspergebatur*) водой, и объясняет причину: тем самым жена разделяет огонь и воду с мужем, иными словами, вступает в права хозяйки. По Варрону (*LL.* V.61), огонь и вода – это причина рождений, и огонь символизирует мужчину, а вода – женщину, потому-то и то, и другое применяется на пороге во время свадеб. Похожее сообщение есть и у Сервия (*Ad Aen.* IV.103), с тем уточнением, что огонь и вода используется в конферрации. Интересно указание Варрона на то, что посвящение жены происходит именно на пороге, т.е. в дверях: это переход между внешним (чужим) и внутренним (домашним) пространством. Можно предположить, что таким образом невеста и превращается в хозяйку. Если вспомнить, что ритуалы, связанные с порогом, встречаются и при обрядах рождения (когда по нему ударяли топором и пестиком, а потом подметали), то порог в таком случае приобретает особое сакральное значение в свадебном ритуале (интересно, что традиция не сообщает о пороге, когда передает сведения о погребальных обрядах). Не случайно именно дверные косяки или саму дверь украшали шерстяными повязками и умащивали: это, вероят-

⁵¹ Serv. *Ad Aen.* IV.458: *qui de nuptiis scripsisse dicuntur, tradunt, cum nova nupta in domum mariti ducitur, solere postes unguine lupino oblini, quod huius ferae et unguen et membra multis rebus remedio sunt. alii hoc Romuli dicunt temporibus institutum, quod Romulus et Remus lupino lacte nutriti sunt. dicitur etiam lupam in concilio multorum eiusdem generis sociari marito, eamque amisso eo nulli alteri post iungi, quod ipse subiecit "non licuit thalami expertem sine crimine vitam degere more ferae", id est lupae. haec ergo ideo a nove nuptis fiebant, ut sciret se puella domum religiosam ingredi: simul lanam ferens lanificium promittebat.*

⁵² Plut. *Quaes. Rom.* 29; Serv. *Ad Ecl.* VIII.29: *quas etiam ideo limen ait non tangere, ne a sacrilegio inchoarent, si depositurae virginitatem calcant rem Vestae, id est numini castissimo, consecratam.*

но, должно было закрепить связь между невестой и ее новой семьей, в том числе и религиозную связь.

Кроме того, Фест сообщает, что для молодых стелют ложе (*lectus genialis*) в честь гения⁵³. Согласно Сервию (*Ad Aen.* VI.603), это ложе получило свое название из-за рождения детей (*a generandis liberis*). В историографии встречается мнение, что жена укладывалась на грудь мужа, а также что к этому ложу ее подводила пронуба⁵⁴. Однако оба предположения не подтверждаются источниками. Если именно пронуба подводила невесту к брачному ложу, то она должна была участвовать в свадебной процессии и войти в дом вместе с молодыми и родственниками, но когда традиция говорит о свадебном шествии, пронуба в этом контексте никогда не упоминается.

На следующий день молодожены принимали гостей, и молодая уже выступала как хозяйка дома.

Согласно предположению Й. Марквардта, весь ритуал подразделялся на три части: невесту передавали в руки жениха, торжественно провожали в дом мужа, где ее при помощи ритуалов принимали⁵⁵. К. Латте полагает, что свадебные ритуалы в целом должны были обеспечить, во-первых, переход жены из-под защиты духов своего дома под защиту духов нового дома, а во-вторых, защитить супругов от бесплодия⁵⁶. С указанными точками зрения нельзя не согласиться. Можно заметить, что свадебные церемонии были тесно связаны с божествами плодородия, и в них большую роль играют растения. Именно аграрные божества должны были способствовать тому, чтобы брак был счастливым. Интересно, что слово *felix* является одноколенным с *fetus* и, что особенно важно, с *femina*⁵⁷. «Счастливым» римляне, как можно понять из указанных выше сообщений традиции, полагали нерушимый брак (неслучайно появление пронубы), в котором супруги обязательно должны обзавестись потомством.

Особое внимание к туалету невесты может указывать на ту

⁵³ Paulus ex Fest. P. 94 M: *genialis lectus, qui nuptiis sternitur in honore genii, unde et appellatus*; Catull. 61.171–189; Hor. *Epist.* I.1.87.

⁵⁴ Harmon D.P. Op. cit. P. 1599. Д.П. Хармон подтверждает эту идею двумя ссылками: на Горация (*Epist.* I.1.87) и Феста (P. 83 L). Однако хотя в обоих случаях есть сообщения о брачном ложе, ничего не говорится о невесте, лежащей у супруга на груди. Согласно Хекенбаху (*Heckenbach J.* Op. cit. Sp. 2133), пронуба подводила к ложу невесту, но он не аргументирует свою точку зрения.

⁵⁵ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 45–55.

⁵⁶ Latte K. Op. cit. S. 96.

⁵⁷ Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 321; Oxford Latin Dictionary. Oxf., 1968. P. 684.

роль, которую она должна была выполнять в доме мужа. После заключения брачного обряда невеста становилась матроной и выполняла домашние священнодействия. Матрона – хранительница домашнего очага, поэтому «правильному» выполнению ритуала превращения девушки в хозяйку дома, причем в чужой семье, уделялось особое значение. Этого нельзя сказать о мужчине. Молчание традиции об одежде жениха, о его действиях на свадьбе можно объяснить тем, что именно женщина могла рассматриваться издревле как порождающее и при том очень уязвимое начало и все ритуалы призваны защитить от враждебных сил именно ее и будущее потомство. Что касается защиты молодожена, то его, вероятно, стремились уберечь от бесплодия, а функцию оберегающего заклинания могла играть фесценнина⁵⁸.

Отдельно следует сказать об окутывании молодых покрывалом. Судя по самим латинским словам *nuptiae*, *nupta*, *nuptus*, этому ритуалу придавалось особое значение и он сохранялся на протяжении существования римской цивилизации вплоть до того времени, когда был заменен христианским ритуалом венчания. В конфарреационной церемонии молодых «соединяли» хлебом (*farreum*), а в прочих брачных церемониях ту же роль играло окутывание, имевшее сакральный смысл. Таким образом, хотя сведений немного, что характерно в целом для сохранившейся информации о частных культах, все же и в брачных церемониях, не имеющих, в отличие от конфарреации, четко выраженного религиозного значения, выявляются определенные религиозные элементы и сакральное содержание.

⁵⁸ Porph. In Hor. Epod. VIII.18: *Minusve languet fascinum. Aequae pro virili parte posuit, quoniam praefascinandis rebus haec membri deformitas adponi solet.* Слова *fescennini* и *fascinum* однокоренные, см.: Hammond N.G.L., Scullard H.H. Oxford Classical Dictionary. Oxf., 1976. P. 435.

ье Н. Кленышевой

ОДИНЦОВ Д.С. (САРАТОВ)

ВОПРОС ГРАНИЦ И СОЮЗОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА ДО ПЕРВОЙ ВОЙНЫ С РИМОМ

Первая Митридатова война началась достаточно неожиданно для обеих вовлеченных в конфликт сторон. Однако это утверждение не отменяет того факта, что вся внешняя политика Рима и Митридата на протяжении предшествующего десятилетия приближала обе державы к неминуемой схватке. Евпатор, готовясь к неизбежному в той или иной форме «выяснению отношений» с Римом, активно использовал пропаганду, которая велась в трёх направлениях – обоснование территориальных притязаний Понтийского царства, использование культа Диониса для придания своей власти харизматического ореола, подражание Александру как идеальному монарху. Главной целью этой пропаганды, несомненно, была консолидация вокруг Понтийского царства людских и материальных ресурсов Востока, что должно было способствовать успеху в его противостоянии с Римом. В данной работе мы рассмотрим первое из указанных направлений митридатовской пропаганды.

Границы Понтийского царства с самого времени его основания постоянно увеличивались в результате аннексий и наследований. Однако в дальнейшем в связи с проигранными войнами, династическими браками и вмешательством Рима во внутренние дела Малой Азии, изменения границ стали вести к сокращению территории царства. При этом цари Понта всегда помнили, что утраченные земли – это их родовая, династическая земля, на которой правили их отцы на протяжении нескольких поколений. Так создавался мотив для экспансии – желание вернуть старые, отеческие территории, поскольку они входили в состав изначальных земель царства. В Понтийском царстве до Фарнака I руководящим принципом внешней политики было правило: «Сохраняй то, что имеешь, приобретай то, чего не имеешь»¹. Для достижения этой цели, расширения царства, было хорошо любое средство, начиная от мирных, таких как получение территории в наследство или в приданное, до захвата в результате военных действий.

---

¹ *Reinach Th. Mithridates Eupator, Konig von Pontos. Leipzig, 1895. S. 28.*

Притязания на утраченные территории особенно усилились в правление Митридата Евпатора. Это было связано с весьма важной особенностью политики правящей династии – она была ориентирована одновременно не только на эллинское население государства, но и на местное. Митридатиды говорят с гордостью о своем персидском происхождении, а местные жители всегда помнили о блестящем прошлом Ахеменидов². Источники говорят, что изначально Понтийское царство располагалось на территории Пафлагонии и Понтийской Каппадокии, в области Кимиатена (Diod. XX.111.4; Plut. *Dem.* 4; App. *Mithr.* 9; 112; Strabo XII.3.41). Митридат I Ктист в первой половине III в. до н. э. распространил свое влияние на часть Понта и Каппадокии, а также на часть Пафлагонии. Он продвинулся в восточном направлении в области, расположенные за рекой Галис, где был захвачен бассейн Ириса, и утвердился в крепости Амасия³. Это удалось сделать благодаря поддержке со стороны местного населения – Ктист сам был уроженцем этих земель, согласно традиции, потомком одного из семи знатных персов, убивших самозванца Лжебардию, и потому был более угоден азиатам, чем чужеземные македонские правители. Ему удалось в значительной степени усилить свою власть над этой, по словам Плутарха, «обширной и богатой страной» (Plut. *Dem.* 4)⁴.

Как наследник местной традиции, Митридат VI Евпатор видел в государствах восточной части Малой Азии общность народов, которые, так или иначе, в то или иное время, подпадали под власть Понта, и потому их новое присоединение к территории царства – это всего лишь восстановление понтийских монархов в их древних правах. Главной трудностью при этом было добиться этой цели, избегая военного столкновения с Римом. Правда, по мнению Т. Рейнака, Рим в это время демонстрировал явную слабость, истощение сил, моральный упадок, кризис высших слоев общества, разрушение армейского аппарата⁵. Однако эту оценку ситуации

² Ibid.

³ *Magie D.* Roman rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 1. P. 189.

⁴ О происхождении династии Митридатидов и ее основателе см.: *Молев Е.А.* Митридат Ктист – правитель Понта // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 581–589; *он же.* К вопросу о происхождении понтийских Митридатидов // ВДИ. 1983. № 4; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 17–38.

⁵ *Reinach Th.* Op. cit. S. 85.

следует считать несколько упрощенной: при всех сложностях, с которыми он столкнулся в это время, Рим все-таки обладал небывалым могуществом, и встававшие перед ним на протяжении 90-х гг. внешнеполитические проблемы, связанные с активностью Митридата, римские политики решали весьма успешно⁶.

Учитывая то, что Рим в любом случае оставался грозным противником, обоснованию территориальных претензий следовало уделить особое внимание – благо история формирования территории Понтийского царства давала для этого хорошие возможности. Поскольку Евпатор в 89–88 г. до н. э., в ходе войны с Римом, подчинил всю Малую Азию, будет небезынтересно рассмотреть, как царь обосновывал захват некоторых регионов.

1. МАЛАЯ АРМЕНИЯ, КОЛХИДА И БОСПОР

Ранее всего в державу Митридата вошли земли в восточном и юго-восточном Причерноморье. Колхида Митридату досталась законным путем, что следует из данных Страбона и Юстина⁷. В отношении Малой Армении Страбон использует слово *παράχωρίσται*, которое может трактоваться как «поступаться чем-то, в пользу кого-то». Это можно понимать как передачу по праву наследования – она могла быть присоединена к Понту, поскольку местная династия имела родственные связи с Митридатидами (Strabo XII.3.1)⁸. Это было одно из первых предприятий Митридата в Причерноморье, которое положило начало формированию территории его циркумпонтийской державы⁹. Военные действия на Боспоре в конце II в. до н. э. он также вел как законный наследник Боспорского царства (IosPE. I.352)¹⁰. Таким образом, у Митридата имелись законные права наследования на все эти земли, что и подчеркива-

⁶ *Bulin R.K.* Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100–68 v. Chr. Frankfurt/Main; Bern, 1983. S. 33–34.

⁷ *Шелов Д.Б.* Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. №3. С. 30.

⁸ *Сапрыкин С.Ю.* Пропаганда Митридата VI Евпатора и пограничный вопрос в Понтийском царстве // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 185.

⁹ *McGing B.C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Lieden, 1986. P. 80; *Magie D.* Op. cit. P. 195.

¹⁰ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.;Л., 1949. С. 298.

лось античной традицией (Just. XXXVIII.7.10; Memn. XXX.2. Strabo XI.2.18; XII.3.1; XII.3.28).

2. Фригия

На Фригию у Митридата имелись формальные права. Эта область (или какая-то ее часть) была отдана Селевком II в качестве приданного своей дочери Лаодики, вступившей в брак с Митридатом II (Porphyr. FGrH. 260. F. 32.6; Just. XXXVIII.5.3)¹¹. Произошло это около 245 г. до н. э.¹², однако надолго Фригия в составе государства не удержалась. Не вдаваясь в детали ее исторической судьбы, отметим, что при последних Атталидах она входила в состав Пергамского царства¹³, но при этом всегда рассматривалась понтийскими монархами как входящая в их сферу интересов¹⁴. Даже если предположить что история с получением Фригии Митридатом II в качестве приданного является вымыслом, она в этом случае должна содержать рациональное зерно и соответствовать политической карте Понтийского царства времени Митридата II, на которой Фригия не выглядела анклавом.

Следующее присоединение Фригии к Понту произошло при Митридате V, отце Евпатора. Упоминания об этом кратки и разрознены. Самое подробное изложение фактической стороны дела содержится у Аппиана, в обращенной к римлянам речи послов Митридата Евпатора: «Фригия же в качестве дара за победу над Аристиком была дана вашим же полководцем и, кроме того, у того же полководца была куплена за крупную сумму» (App. *Mithr.* 12) На «покупку» Митридатом Эвергетом Фригии указывают и послы Никомеда, возражающие понтийцам: «Вы велели ему уйти из Фригии, которую он преступно, подкупив одного из ваших полководцев, купил себе, – вы признали всю несправедливость этого приобретения» (ibid. 13). Этим «полководцем» был Маний Аквиллий, основа-

¹¹ Существует предположение, что она была отдана в приданное за Лаодикой, дочерью Митридата II, при ее вступлении в брак с Антиохом Гиераксом, однако прямых данных об этом браке нет. См.: *Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1967. Vol. 1. P. 96.*

¹² *Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. 1. P. 573.*

¹³ *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 65.

¹⁴ *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 222.

тель провинции Азия, отец Манья Аквилия, с которым Евпатор вел войну (*ibid.* 57). Юстин добавляет к этому, что Фригия была отнята у Митридата Евпатора, когда он был еще ребенком (XXXVII.1.1–2; XXXVIII.5.3).

Вхождение Фригии в состав Понта в это время подтверждается источником, современным событиям: дошедшая до нас надпись утверждает от лица римской администрации распоряжения, сделанные там Митридатом Эвергетом (OGIS 436). Фригия была отнята у Митридатидов, без сомнения, из-за давления публиканов, заинтересованных в получении доходов с этой области¹⁵. Формальным поводом для этого, по всей вероятности, послужило то, что Аквиллий получил от Эвергета взятку¹⁶. До нас дошел отрывок из речи Гая Гракха, в котором речь идет о торге, который устроили вифинский и понтийский цари в Риме. Считается, что поводом для этого торгового монархов служила именно Фригия: «Те, кто выступают, настаивая, чтобы вы не принимали этот закон, добиваются не почестей от вас, но денег от царя Никомеда; те, кто советуют, чтобы приняли, – те тоже ищут не вашего расположения, но платы и вознаграждения от царя Митридата их собственному имуществу; а те, кто молчат, хотя и принадлежат к этому же самому рангу и сословию, – эти, пожалуй, тягостны более всего: ведь они от всех принимают плату и всех обманывают. Вы, поскольку считаете, что они не участвуют в этих делах, наделяете их своим расположением; а посольства от царей, считая, что молчат они в их пользу, предоставляют им большие деньги и расходы» (Gell. XI.10.4–6). Таким образом, спор за обладание этой областью тянулся около шести лет, со времени победы над Аристоником до трибуната Гая Гракха¹⁷, – но, в конечном счете, она не досталась ни одному из претендентов, будучи присоединена к территории римской провинции Азия.

¹⁵ *Drew-Bear T.* Three Senatus Consulta concerning the Province of Asia // *Historia*. 1972. Vol. 21. № 1. P. 81. Д. Рамсей считает, что это связано непосредственно с деятельностью Гая Гракха. Римские публиканы желали расширения поля своей деятельности, но социальный и аграрный проекты Гракха мешали им. Оппозиция Гракху также старалась отдалить от него его сторонников, поэтому случай с Фригией, видимо, нужно рассматривать, как контрнаступление сената на молодого трибуна (*Ramsey J.T.* Mithridates, the Banner of Ch'ih-Yu and the Comet Coin // *HSCPh*. 1999. Vol. 99. P. 242–243).

¹⁶ *Моммзен Т.* История Рима. М., 1994. Т. 2. С. 88. *Климов О.Ю.* Пергамское царство. Мурманск, 1998. С. 52.

¹⁷ См. подробнее: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 101–102.

Поэтому, с римской точки зрения, когда «Митридат, царь Понта, захватив Вифинию и Каппадокию и вытеснив легата Аквиллия, вторгся с большим войском во Фригию, провинцию римского народа» (Liv. *Ep.* 77)¹⁸, это, конечно, выглядело не как «возвращение» Фригии исконным владельцам, а как ее противозаконный захват¹⁹. Тем не менее, возможности для пропагандистского маневра у понтийского монарха оставались: в конце концов, Маний Аквиллий осужден не был (App. *BC.* I.22), и, следовательно, оставалась возможность настаивать на законности его распоряжений. То, насколько настойчиво тема Фригии возникает в ходе переговоров с римлянами и представителей Митридата, и его лично, показывает, что возможностью этой понтийский монарх воспользовался.

3. ПАФЛАГОНИЯ

Пафлагония также входила в сферу интересов понтийского владыки. В начале II в. до н. э. это было аморфное объединение, состоящее из владений мелких династов. После смерти в войне Рима против Аристоника местного царька Пилемеда государство снова распалось²⁰. В 107 г. до н.э.²¹ Никомед III Эвергет, царь Вифинии, и Митридат VI совершили совместную операцию против раздробленной Пафлагонии. Для монархов как Понта, так и Вифинии этот раздел был попыткой при помощи территориальных захватов расширить внешнеполитическое влияние. Его результатом стало заполнение вакуума, создавшегося после исчезновения с политической карты царства Аггалидов. В частности, для Никоме-

¹⁸ Р. Кэллет-Маркс указывает, что использование слова *provincia* у эпитоматора Тита Ливия, является неопределенным (*Kallet-Marx R.M. Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C.* Berkeley; Los Angeles; Oxf., 1995. P. 241). Однако это не отменяет простого факта: не являясь *отдельной* провинцией, Фригия входила в состав провинции Азия.

¹⁹ Представление о том, что Фригия, после того, как была отнята у Понта, какое-то время пользовалась независимостью, основанное на сообщении Аппиана (*Mithr.* 57), в настоящее время можно считать окончательно лишившимся оснований: после публикации дополнений к надписи OGIS 436, стало окончательно ясным, что ее следует датировать не 116, а 119 г. до н. э. См.: *Strobrl K. Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischen Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten großen Monarchen der helenistischen Welt // Orbis Terrarum.* 1996. Bd. 2. S. 158. Anm. 61.

²⁰ *Reinach Th.* Op. cit. S. 34.

²¹ *Габелко О.Л.* Указ. соч. С. 350.

да, это был удачный шанс проявить хоть какую-нибудь активность во внешней политике²². По мнению Д. Маги, в союзе с Никомедом больше нуждался Митридат, поэтому инициатива союза исходила именно от него. Для него это было началом нового витка внешне-политической экспансии, открывавшим куда больший простор для расширения сферы его влияния. Что касается Никомеда, то, несмотря на то, что он был «другом и союзником» Рима, его дружеский пыл угас из-за того, что римские ростовщики стали забирать царское имущество, и он пошел на дипломатическое сближение с Митридатом²³. Однако, возможно, роль Никомеда была более активной: видя усилившуюся активность Митридата, он хотел пресечь его продвижение на запад, предложив стать союзником. Рим, занятый своими проблемами практически безучастно наблюдал «за удивительными проделками и интригами царей Понта и Вифинии»²⁴. Поэтому в тот момент честолюбивый Митридат мог не беспокоиться из-за своего вторжения в Пафлагонию и Галатию, заявляя о правах наследника и не опасаясь карающих санкций со стороны Рима, где, к тому же, его интересы лоббировались частью сенаторов²⁵.

После оккупации Пафлагонии победители поделили захваченные земли. По источникам трудно точно локализовать захваченные каждым из них территории. Видимо, в самом общем виде это выглядело так, что Митридат получил прибрежные земли вплоть до Гераклеи Понтийской, а Никомед – внутренние районы²⁶. К. Штробель, опираясь на текст Страбона, предполагает, что Митридату досталась область Гангры²⁷. На Гангры Митридат имел право, поскольку ими управлял последний царь Пафлагонии – Пилемен II. Чтобы подтвердить легитимность своих претензий и войны в Пафлагонии, Митридат ссылаясь на завещание Пилемена II. В приводимой Юстином речи он излагает свои права следующим образом: «Ему досталось на долю царство, на которое имел наследст-

²² Там же. С. 351-352.

²³ *Magie D.* Op. cit. P. 197.

²⁴ *Kallet-Marx R.M.* Op. cit. P. 239-240; *Keaveney A.* Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 31.

²⁵ *McGing B.C.* Op. cit. P. 88.

²⁶ *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 189; *Reinach Th.* Op. cit. S. 86 f.

²⁷ *Strobel K.* Op. cit. S. 160 f. Автор отмечает, что текст пассажей Страбона XII.3.1 и XII.3.9 противоречив. Митридат владел только Ганграми, а внутренней Пафлагонией распорядился его союзник.

венные права его отец» (Just. XXXVII.4.5); «...отец его получил Пафлагонию не насилем, но в результате усыновлению по завещанию как наследство» (Ibid. XXXVIII.5.4); он «единственный из всех царей владеет не только отцовским царством, но и чужеземными, приобретенными благодаря его широкой щедрости путем наследования, а именно – колхами, Пафлагонией, Боспором» (Ibid. XXXVIII.7.10).

Таким образом, Митридат был абсолютно готов к посольству римлян. В принципе, он мог сослаться и на право победителя, которое тоже использовалось как аргумент в его пропаганде и вполне сочеталось с принципом «что было моим, то моим и останется»²⁸. Однако такое самоуправство Риму пришлось бы не по нраву, тем более, что кроме династов Пафлагонии, бежавших в Рим с жалобой на царей-агрессоров, в «Вечном городе» побывали и скифы, потерявшие земли Скилура из-за агрессивных действий со стороны Митридата, который тем самым нарушил принцип, провозглашенный после поражения Антиоха III Великого: «азиатский царь должен воздержаться от захвата стран Европы»²⁹.

4. ГАЛАТИЯ

Юстин сообщает также, что одновременно с захватом Пафлагонии Митридатом была оккупирована и Галатия (XXXVII.4.6). По мнению Р.Д. Салливэна, речь идет о захвате той части Галатии, которая отделяла Пафлагонию и Понт от Фригии, которую понтийский монарх также стремился прибрать к рукам. Именно с этой целью он построил крепость Митридатий в том месте, где восточная Галатия соприкасается с западным Понтом³⁰. Напротив, К. Штробель отвергает сообщение Юстина, считая, что Митридат стремился лишь укрепить свое положение в западной Каппадокии и вел с галатами переговоры³¹. Возможно, оценить достоверность информации Юстина позволяют действия в это время Никомеда, который неожиданно для всех захватил Каппадокию (Just. XXXVIII.1.2). Он

²⁸ См. ссылки на владение по праву победы: Just. XXXVIII.5.6–7; Flor. I.40.13.

²⁹ *Reinach Th.* Op. cit. P. 87.

³⁰ *Sullivan R.D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B. C. Toronto, 1990. P. 50.

³¹ *Strobel K.* Op. cit. S. 74, 168–169.

совершил это несмотря на то, что ему достался лакомый кусок Пафлагонии – Тимонитида, область Газаторикса, Мармолитида, Санисена, Потамия. Ему также удалось посадить там на престол своего сына, дав ему имя Пилемена, тронное имя пафлагонских царей. Все это говорит о прочных позициях вифинского монарха в Пафлагонии³². С учетом того, что Пафлагония была поделена на сферы влияния понтийского и вифинского царей, а Каппадокия до сих пор представляла интерес только для Понта, захват Вифинией Каппадокии мог быть ответом на внедрение Понтийского царства в зону внешнеполитических интересов Вифинии, а именно – в Галатию. Поэтому разрыв союза царей нам следует связывать или с захватом Митридатом Галатии, или Никомедом Каппадокии³³. Как верно подчеркивал еще Т. Рейнак, при заключении соглашения каждый из союзников пытался стать единственным владельцем награбленного и обхитрить партнера³⁴.

Если расценивать Никомеда просто как агрессора, который вторгся на территорию Каппадокии, то в таком случае его поведение выглядит достаточно странным: царь, не проявлявший за 20 лет правления никакой активности на международной арене, вдруг отважился на столь авантюрную операцию. С другой стороны, заслуживает внимания, сколь удачно Никомед спланировал свою акцию – женившись на сестре Митридата Лаодике (вдове Ариарата VI, царя Каппадокии), он, таким образом, сделался наследником Каппадокийского престола.

Так как Вифиния не имела общей границы с Каппадокией, Никомеду для вторжения необходимо было создать некий «коридор» через Галатию, если Вифиния обладала достаточным влиянием в этой области, либо совершить вторжение в нее под тем предлогом, что это территория врага. Поскольку Никомед не стал «освобождать» Галатию от понтийцев, а просто прошел через нее в Каппадокию, можно заключить, что он имел связи с галатскими тетрархами. Следует учитывать и то, что Галатия не является плотно населенной областью, а превращение галатских «городов» в города римского типа было процессом медленным и длительным³⁵. В

³² Габелко О. Л. Указ. соч. С. 353–354.

³³ Там же. С. 356.

³⁴ *Reinach Th.* Op. cit. P. 86.

³⁵ Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи. М.; Л., 1949. С. 110.

силу этой причины Никомед при быстром продвижении не имел возможности оставить гарнизоны в Галатии, потому что в той части, где он проходил, их просто негде было оставлять.

Ряд авторов считает, что Галатию Никомед и Митридат захватили совместно. По мнению Т. Рейнака, мысль о захвате всей Галатии Понтом неприемлема; с его точки зрения, между царством Никомеда и Каппадокией наверняка существовала общая граница, однако в дальнейшем произведенный дележ Пафлагонии его не устроил, и потому он вскоре неожиданно пересек каппадокийскую границу. При этом Митридат и Лаодика не ожидали от него такого вероломства³⁶. Б. Макгинг также признает маловероятным захват одним Митридатом всей Галатии, но при этом считает Никомеда, которому была необходима граница с Каппадокией, партнером Митридата в этой операции³⁷. Л. Баллестерос Пастор также отмечает, что, скорее всего, нападение было совместным: Митридат не обладал всей Галатией, поскольку она не упоминается в списке государств, которые должен был покинуть царь по решению сената (Just. XVIII.5.6)³⁸.

Посольство Митридата в Рим, совершенное до 101 г. до н. э. и связанное с пафлагонским вопросом³⁹, возможно, касалось также Галатии. Поскольку прав наследования на эту страну понтийский царь не имел, прибывшие в Рим послы царя доставили значительные денежные суммы для взяток сенаторам (Diod. XXXVI.15.1). Притязания Евпатора на Галатию вполне согласовались с его стратегией в Анатолии, ибо контроль над Пафлагонией и Галатией был залогом контроля над Фригией. Цари Понта не переставали считать территорию Фригии своим законным владением⁴⁰, что неизбежно ставило вопрос и о статусе Галатии. В 89 г. до н. э. Митридат назначил сатрапом в ней Эвмаха и установил там систему гарнизонов (App. *Mithr.* 46), что, правда, не исключало и участия галатов в войне на стороне римлян. В любом случае, после захвата Пафлаго-

³⁶ Reinach Th. Op. cit. S. 89; 92.

³⁷ McGing B.C. Op. cit. P. 71. Впрочем, он допускает и вероятность того, что Митридат занял Галатию только после столкновения с Никомедом.

³⁸ Ballesteros-Pastor L. Mithridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996. P. 58–59.

³⁹ Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дис. ... к.и.н. Саратов, 1997. С. 65–66.

⁴⁰ Ломоури Н. Указ. соч. С. 65–66.

нии и Галатии Евпатор контролировал почти весь берег Черного моря, самые богатые регионы в Анатолии⁴¹.

5. КАППАДОКИЯ

Когда македоняне пришли в Персию, они застали каппадокийскую сатрапию разделенной на две части – собственно Каппадокию и Каппадокию Понтийскую (Strabo XII.1.4). Так что формально каждая из этих частей могла иметь права на земли соседа. Как справедливо отмечает С.Ю. Сапрыкин, видимо, вся Каппадокия некоторое время находилась во власти династии Митридатидов. Она не обнаруживает никаких признаков независимости до середины III века до н. э.⁴² Поэтому Аппиан воспринял вторжение Митридата Эвергета в Каппадокию как нападение на собственную же землю. «Он сделал вторжение в Каппадокию, как будто это была чужая земля; последняя всегда принадлежала его предкам и была вновь захвачена его отцом» (App. *Mithr.* 10; 12). После этого вторжения Митридат V сохранил контроль над Каппадокией путем брака своей дочери Лаодики и местного царя. Митридат Евпатор рассчитывал сохранить контроль над этим регионом с помощью своей сестры, но в тоже время ему приходилось опасаться, что время ее регентства истечет и власть получит кто-то из подросших сыновей покойного Ариарата, поэтому он сам страстно хотел захватить страну. Этой цели он добивался еще в 116 г. до н.э., когда умер Ариарат VI (Just. XXXVIII.1.1–2)⁴³. При этом важное значение для него имело то обстоятельство, что это царство могло послужить своего рода плацдармом для захвата Пафлагонии и Галатии. Кроме того, было весьма ощутимо национальное, языковое и религиозное родство между Каппадокией и Понтом, поэтому консолидация этих регионов не была чем-то нереальным⁴⁴. Наконец, Рим в это время был озабочен внутренними смутами и войной с Югуртой, а потому не мог ему воспрепятствовать⁴⁵.

⁴¹ *Mastrochinque A.* Studi sulle guerre Mitridatiche. Stuttgart, 1999. P. 25.

⁴² *Сапрыкин С.Ю.* Пропаганда Митридата VI Евпатора и пограничный вопрос в Понтийском царстве С. 183; *он же.* Понтийское царство. С. 39.

⁴³ *Габелко О.Л.* Указ. соч. С. 351.

⁴⁴ *Reinach Th.* Op. cit. S. 82.

⁴⁵ *McGing B.C.* Op. cit. P. 82–83.

Однако все его планы были спутаны действиями Никомеда: вифинцы неожиданно нарушили каппадокийскую границу и без сопротивления заняли Каппадокию. Еще до того, как армия понтийского царя вторглась в пределы Каппадокии, Лаодика заключила мир с Никомедом и даже вышла за него замуж. Это было равносильно подчинению ее государства Вифинии⁴⁶. Брак, скорее всего, был заключен по соглашению, поскольку Лаодика боялась за свою жизнь⁴⁷. Митридат, устремившийся в Каппадокию, понимал, что этот брак является для него ощутимой дипломатической пощечиной, однако воспрепятствовать женитьбе не смог, а потому вместо помощи сестре оказал помощь своему племяннику, право наследования которого было нарушено его матерью⁴⁸.

Ариарат VII, посаженный Митридатом на трон, по всей вероятности, имел для него как ставленник то значение, что, будучи отпрыском Ариартидов, он должен был проводить политику самостоятельно, блокировав вмешательство Никомеда и Лаодики. Для понтийского царя на тот момент было более приемлемым отдать власть над Каппадокией в руки законного царя ради того, чтобы не допустить ее узурпации Никомедом и Лаодикой. С другой стороны, тут же выявилась новая опасность – судя по всему, Ариарат притязал на реальную самостоятельность, что привело к началу войны между ним и Митридатом (Just. XXXVIII.1.6–7). По мнению Б. Макгинга, вызов в Понт Гордия, убийцы Ариарата VI, означал желание понтийского царя расправиться и с его сыном⁴⁹. Вероятно, можно согласиться и с тем предположением, что агрессия, которую готовил Митридат, должна была объединить силы Ариарата VII и Никомеда, опасавшегося роста могущества своего соперника⁵⁰.

Митридат, решившись овладеть страной открыто, последовал пафлагонскому примеру Никомеда и посадил на трон Каппадокии одного из своих сыновей, восьмилетнего мальчика, которого он выдавал за ребенка Ариарата VI и который получил имя Ариарат IX; регентом при нем был назначен Гордий (Just. XXXVIII.1.10)⁵¹. Эта фигура, естествен-

⁴⁶ *Reinach Th.* Op. cit. S. 89; *Magie D.* Op. cit. P. 203.

⁴⁷ *Габелко О.Л.* Указ. соч. С. 358.

⁴⁸ *McGing B.C.* Op. cit. P. 74.

⁴⁹ *Ibid.* P. 74.

⁵⁰ *Молев Е.А.* Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 57.

⁵¹ *Reinach Th.* Op. cit. S. 91. Ариаратом VIII именовался брат Ариарата VII, заявивший притязания на власть после убийства того Митридатом. Поскольку он был

но, не устраивала определенную (и влиятельную) часть каппадокийской знати ввиду ярко выраженной промитридатовской политики.

В этой ситуации в Риме было принято решение о вмешательстве, поскольку ситуация начала выходить из-под контроля. Это вмешательство, восстанавливающее политический баланс в регионе, неизбежно должно было вызвать недовольство обеих сторон, но предотвратить большую войну. По решению сената Митридату и Никомеду было приказано покинуть Каппадокию и Пафлагонию. Митридат немедленно подчинился, забрав с собой Ариарата IX и Гордия⁵². Покинутым государствам была дарована свобода, но Каппадокия ей не воспользовалась, предпочтя сохранить власть царя⁵³.

Новый каппадокийский царь Ариобарзан во многом был более удобен для Рима (App. *Mithr.* 10; Just. XXXVIII.2.8; Strabo XII.2.11). Одновременно его избрание явилось чувствительным поражением для политики Митридата. Как подчеркнул С.Ю. Сапрыкин, до сих пор цари Понта использовали политические методы укрепления своего влияния и расширения земель – действуя через ставленников из дома Ариаратидов в Каппадокии, ссылаясь на владения предков, увеличивая свою территорию через наследования от династий⁵⁴. После пресечения династии Ариаратидов в Каппадокии присоединение этой страны мирным путем стало невозможным, поскольку никаких прямых родственных связей у Митридатидов с новым царем не было. Видимо, именно стремясь восстановить такие связи, Митридат после первой войны с Римом породнился с Ариобарзаном (App. *Mithr.* 66).

Реконструкция событий выглядит, вероятно, таким образом: после того, как сенат приказал Митридату очистить Каппадокию, а затем согласился на просьбу каппадокийцев восстановить у них монархию, к власти около 96 г. приходит Ариобарзан. Отдавая

воспитан в Азии, а значит, находился под влиянием римлян (Just. XXXVIII.2.1), он никак не мог быть приемлемым для Митридата.

⁵² McGing B.C. Op. cit. P. 77.

⁵³ Замечание Д. Маги, что, возможно, этот отказ был итогом понимания того, что свобода означала свободу для аристократических и народных фракций, и отмена долго существовавшей монархии могла закончиться только анархией (Magie D. Op. cit. P. 204), несколько наивно. Скорее, наличие легитимной царской власти должно было обеспечить возможность и впредь противостоять попыткам понтийца прибрать Каппадокию к рукам.

⁵⁴ Сапрыкин С.Ю. Пропаганда Митридата VI Евпатора и пограничный вопрос в Понтийском царстве. С. 185.

предпочтение сообщению Страбона (Strabo XII.2.11) перед Юстином (Just. XXXVIII.2.3), можно заключить, что он был избран каппадокийской знатью. Видимо, следует принять такую трактовку событий, тем более что, если бы назначение Ариобарзана царем исходило непосредственно от Рима, Митридат и Гордий вряд ли осмелились бы проявлять такое откровенное неповиновение. По всей вероятности, Ариобарзан был избран местной знатью, настроенной проримски (Strabo XII.2.11), о чем говорит его титул – Филоромей. Но выбор Ариобарзана не решил проблемы реставрации царской власти в Каппадокии. Судя по косвенным данным (Plut. Sull. 5; Just. XXXVIII.5.9), у Гордия было там довольно много сторонников, да и для Митридата в данной ситуации он представлял очень удобную фигуру, поскольку тот мог соблюдать дистанцию между собой и претендентом, пожиная плоды в случае успеха и оставаясь в стороне в случае неудачи. Долгое время считалось, что и после избрания Ариобарзана Гордий продолжал действовать от лица Ариарата IX. Но в источниках нет никаких указаний на это, как нет и никаких свидетельств участия Митридата в этом конфликте; поэтому следует признать, что Митридат подчинился приказу Рима и убрал своего сына из Каппадокии⁵⁵.

Убедившись, что возможные западные союзники больше тяготеют к Риму, Митридат обратился на восток, где в это время укрепляется власть царя Армении Тиграна II. Несмотря на то, что Каппадокия входила в сферу интересов Армении на западе, Митридат, понимая необходимость устранения потенциального конкурента, предложил Тиграну союз того же типа, что ранее был заключен с Никомедом по поводу Пафлагонии.

Хотя Тигран лишь недавно получил власть, он уже захватил Софену. Митридат, видимо, признал силу Тиграна и предложил ему союз именно после этого захвата. С завоеванием Софены, расположенной на восточном берегу Евфрата, Тигран стал соседом Каппадокии. Владения на реке Томис, которые были проданы предшественниками Ариобарзана правителю Софены, сделали возможным легкое вторжение в восточную Каппадокию⁵⁶. Кроме того, руки союзникам

⁵⁵ Смьков Е.В. Рим и Митридат Евпатор. С. 73–74; он же. Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии // *Studia historica*. 2007. Vol. 7. С. 96–97.

⁵⁶ *Magie D. Op. cit.* P. 205–206.

развязывало то, что Тигран не испытывал никакого давления со стороны Рима.

Время и условия союза нам известны по сообщению Юстина (XXXVIII.3.5). Это случилось накануне развязывания войны с Римом, и как утверждает сам автор, союз носил антиримский характер. Согласно союзному договору землю, города и селения получал Митридат, а Тиграну доставались пленники и все движимое имущество. Людской ресурс был необходим Тиграну для эллинизации Армении, ведь он строил новую столицу, которая должна была стать символом его правления (App. *Mithr.* 67; Plut. *Luc.* 21; 26; Strabo XI.14.15; XII.2.9)⁵⁷. Что касается времени подписания договора, то его, видимо, необходимо помещать между 95 и 93 гг. до н. э.⁵⁸. Кроме того, развивая матримониальную политику своего царства, Митридат выдал за Тиграна замуж свою дочь Клеопатру, которая приобрела твердые позиции при дворе армянского монарха (Just. XXXVIII.3.2; Plut. *Luc.* 22)⁵⁹.

Однако успех сопутствовал союзникам лишь первоначально (Just. XXXVIII.3.8; Plut. *Sull.* 5; App. *Mithr.* 10) – Сулла, в то время когда он был наместником в Киликии, разбил каппадокийские и армянские войска⁶⁰. Существует мнение, что на помощь к каппадокийцам пришли не полководцы Тиграна, а Архелай, стратег понтийского царя, на вербовавший войска из Софены⁶¹. Однако упоминание Архелая у Фронтинна как перфекта Каппадокии вовсе не означает, что сражение, описываемое этим автором (*Strat.* I.5.18), относится к интересующему нас времени и происходило в Каппадокии. Кроме того, это сообщение не согласуется с рассказом Плутарха: в его версии армяне потерпели полное поражение, у Фронтинна Сулла уходит от сражения с Архелаем. Конечно, возможно,

⁵⁷ Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор. С. 77.

⁵⁸ Манандян Я.А. Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943. С. 29–31.

⁵⁹ Гуленков К.Л. Матримониальная политика Митридата VI Евпатора // Средневековая Европа: проблема идеологии и политики. М., 2000. С. 157.

⁶⁰ Датировка этих событий не вполне ясна; предложены три даты – 96, 94 или 92 г. до н. э., причем ни одна из них не обоснована неопровержимо. См.: Смыков Е.В. Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии...

⁶¹ Keaveney A. Op. cit. P. 38.

что понтийская армия участвовала в этой операции вместе с армянами, но реальной информации о ее участии у нас нет⁶².

Митридат в это время вел активные военные действия в Вифинии. Постановление сената о возвращении Ариобарзана и Никомеда каждого в свое царство, последовало не сразу. Митридат еще присутствовал в Вифинии и посылать обратно Ариобарзана не имело смысла, ибо никто не мог гарантировать, что его не свергнут снова. Только после 91/90 г. до н. э. можно говорить о том, что конфликт был улажен (Just. XXXVIII.3.1–3; Plut. *Sull.* 5; App. *Mithr.* 10–11)⁶³. К тому же именно в период с марта по май 92 г. и с февраля по май 91 г. до н. э. Митридатом выпускаются монеты, предназначенные на военные нужды⁶⁴.

Однако с этими данными необходимо разобраться. Информация Юстина изобилует фактическими неточностями, и, что еще более важно, он подает материал чрезвычайно сумбурно и подчас бессистемно. Он пишет: «В это же самое время умер Никомед, а сына его, тоже Никомеда, Митридат изгнал из собственного царства. Никомед отправился в Рим просить там защиты. Сенат постановил, чтобы оба – Никомед и Ариобарзан – были восстановлены в своих царских правах. Для приведения в исполнения этого декрета были посланы из Рима уполномоченные – Маний Аквилый и Манлий Мальтин» (Just. XXXVIII.3.4). Это повествование следует сразу за упоминанием о вторжении Тиграна в Каппадокию. Здесь не видно шероховатостей, но, тем не менее, они существуют. Дело в том, что в начале упоминается смерть Никомеда III, т. е. 95/94 г. до н. э., в то время как миссия Мания Аквилия относится к 89 г. до н. э. Следовательно, точной хронологии, следуя Юстину, построить невозможно. Смерть Никомеда III не может служить ориентиром. В 95/94 г. до н. э., Тигран только пришел к власти, и его первым внешнеполитической акцией был захват Софены. До вмешательства в Каппадокии было еще далеко.

Далее Юстин повествует: «Поэтому Митридат, при посредстве Гордия, подбил Тиграна завязать войну с Ариобарзаном... При

⁶² *Glew D.* Mithridates Eupator and Rome. A study of the background of the first Mithridatic war // *Athenaeum*. 1977. Vol. 55. Fasc. 3–4. P. 389.

⁶³ *Габелко О.Л.* Указ. соч. С. 379–380.

⁶⁴ *Callatay F., de.* La politique monétaire de Mithridate VI Eupator, roi de Pont (120–63 av. J.-C.) // *Rythmes de la production monétaire de l'antiquité à nos jours*. Numismatica Lovaniensia. Louvain-la-Neuve, 1987. N°7. Tab. 3.

первом же появлении армии Тиграна Ариобарзан, захватил с собой свои сокровища, поспешил уехать в Рим» (Just. XXXVIII.3.2-3). Этот рассказ необходимо связывать с сообщением Аппиана: «В то же самое время Митраас и Багой выгнали из Каппадокии того Ариобарзана, который был водворен здесь римлянами, и посадили в ней Ариарата» (App. *Mithr.* 10). Здесь наши авторы дополняют друг друга. Первый, обрисовывая внешнеполитическую ситуацию, не уделяет должного внимания ситуации в Каппадокии, лишь мельком приводя ценные сведения об армянских офицерах, другой сообщает о Каппадокии, но практически молчит о делах Вифинии, не упоминая о Сократе Хресте. Стоит обратить внимание, что если Аппиан упоминает при рассказе только Ариарата, то Юстин говорит о Гордии. Это достаточно понятно: Аппиан практически не дает сведений о политике Митридата конца II – начала I в. до н. э., которую Юстин, напротив, освещает достаточно подробно. Это дает повод усомниться в том, что Аппиан вообще знал о роли Гордия в каппадокийской политике Митридата. Ведь его единственное упоминание об этом верном слуге относится уже ко времени Второй митридатовой войны (*Mithr.* 65). Ариарат был официальным лицом, а кто скрывался за ним помимо Митридата, Аппиан мог и не знать. В любом случае следует признать, что избрание Ариобарзана, лишив Митридата сильных аргументов, связанных с родственными отношениями с Ариаратидами, отнюдь не привело к снижению активности его каппадокийской политики. Просто теперь она осуществлялась под иными лозунгами и с опорой на иных людей.

6. Вифиния

Митридат стремился подчинить и Вифинию. Никаких законных оснований типа завещания или чего-либо подобного у него, правда, здесь не было. Но факт остается фактом: Евпатор во время путешествия по Азии побывал также и в Вифинии (Just. - XXXVII.3.5).

Вифиния и Понт как государства имели много сходств между собой. Несмотря на свои азиатские корни, они позиционировали себя как эллинистические государства, причем Понт ориентировался на Селевкидов, а Вифиния на Птолемея и Антигонидов. Однако если Понт находился на краю римского мира, то Вифиния

была вовлечена в сферу римских интересов⁶⁵. Создание понтийско-армянского блока ознаменовало окончательный разрыв отношений между Понтом и Вифинией и начало их открытого противоборства. С этих пор Понт рассматривал своего западного соседа не как опасного соперника, с которым приходится считаться, а как объект агрессивной политики⁶⁶. Именно в 96/95 г. до н. э. Митридат на своих тетрадрамах, насколько нам известно, впервые за годы своего правления, дает датировку согласно вифинской эре⁶⁷. Ряд авторов считают, что просвещенный царь Понта следовал в данном случае за примером вифинского царя, известного своим экономическим могуществом в греческом мире. Однако О.Л. Габелко справедливо подчеркивает, что уровень экономического развития этих стран нам неизвестен. По его мнению, Митридат использовал смену эры как направленную против Вифинии пропагандистскую меру⁶⁸, относя первый год эры к тем временам, когда Понт владел Каппадокией. В пользу этого предположения говорит и то, что понтийский монарх к этому времени перенес центр своих внешнеполитических устремлений на Вифинию.

После вторжения Тиграна и Митридата в Каппадокию, настала очередь Вифинии. Митридат в этой кампании поддерживал претендента на вифинский престол, Сократа Хреста, против Никомеда IV, за которым стоял Рим (App. *Mithr.* 10; 57; Just. XXXVIII.3.4; Memn. XXX.3). Благоприятная обстановка, связанная с началом Союзнической войны, развязывала ему руки для активных действий. Он нанял убийцу для устранения Никомеда – некоего Александра; в это же время Митраасом и Багоем был свергнут Ариобарзан, и на его место был вновь посажен Ариарат IX (App. *Mithr.* 10)⁶⁹. Однако Сократ, вторгшись в Вифинию, не смог полностью ее захватить, несмотря на поддержку и финансирование со стороны Митридата⁷⁰. Никомед бежал в Рим, куда вскоре прибыл и Сократ (Gran. Lic. XXXV.90–91). Отстаивая своего ставленника, Рим, види-

⁶⁵ McGing B.C. Op. cit. P. 67.

⁶⁶ Габелко О.Л. Указ. соч. С. 369–370; Сапрыкин С.Ю. Пропаганда Митридата VI Евпатора и пограничный вопрос в Понтийском царстве. С. 186.

⁶⁷ Вифинская эра, видимо, была принята в Понте еще при Митридате V. О причинах ее принятия см.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 34–35.

⁶⁸ Габелко О.Л. Указ. соч. С. 369–370. McGing B.C. Op. cit. P. 229.

⁶⁹ McGing B.C. Op. cit. P. 79; Reinach Th. Op. cit. S. 107.

⁷⁰ Габелко О.Л. Указ. соч. С. 378–379.

мо, угрожал Сократу карающими санкциями, если он не очистит Вифинию. Митридату было предписано «оказать помощь при этом возвращении», так что Никомед и Ариобарзан вернулись каждый в свою область (App. *Mithr.* 11). Митридат стремившийся реабилитировать себя в глазах римлян, убил Сократа (Just. XXXVIII.5.8), и даже пригласил для римлян проверки этого (Diod. XXXVI.15.1). Таким образом, попытка вмешательства в вифинские дела по модели, опробованной в Каппадокии, с использованием претендента на престол, ни к чему не привела, а решение Митридата физически устранить Сократа демонстрирует, что в целом его позиции здесь были достаточно слабыми, и в отношении Вифинии у него оставался только один путь – путь ничем не прикрытой агрессии.

К 89 г. до н. э. война Митридата и Рима стала неизбежна. Противоречия, которые накапливались с конца II в. до н. э., лишь усиливались с каждым годом. Митридат явно стремился укрепить свои владения и найти способы бескровного присвоения соседских земель. Он захватывал эти области, опираясь на права наследника, а где это было невозможно – полагаясь на право победителя, что предполагало невмешательство сената в отношения между монархиями региона. Другое дело, что Рим не позволил ему воспользоваться ни тем, ни другим правом так, как сам он того хотел.

В этих условиях вопрос о виновнике войны носит второстепенный характер. Стоит отметить, что в одном из последних изданий, посвященных Понтийскому царству и его монарху, представлены два взаимоисключающих ответа на него⁷¹. С точки зрения Б. Макгинга, Митридата следует считать агрессором. Источником агрессии, согласно этому автору, являются ахеменидские корни Митридатидов, для которых царское величие определяется завоеваниями. Митридат хотел защищать свое черноморское царство, уважая римское верховенство. Он старался действовать, избегая большой войны, т. е. с помощью пограничных конфликтов. Похолодание в отношениях с Римом произошло благодаря его союзу с Тиграном. При этом постоянная угроза анатолийским государствам оказалась перегибом палки, Рим послал комиссию и войска. Отправление по-

---

⁷¹ *Madsen J.M.* The ambitions Mithridates VI: Hellenistic Kingship and modern interpretations // *Black Sea Studies*. № 9: Mithridates VI and the Pontic kingdom. Aarhus, 2009. P. 191–201; *McGing B.C.* Mithridates Eupator: Victim or Aggressor? // *Ibid.* P. 203–216.

сольства Пелопида показывает, что в действительности он желал войны, но войны на его условиях. Рим видел в нем агрессора, а понтийский царь вел дело с позиции обиженного. При этом, пока Рим был занят урегулированием других дел, он постоянно наращивал свои силы, так что в начале войны он использовал огромную армию, которую было бы невозможно собрать за короткое время.

С другой стороны, Я. Мэдсен подчеркивает, что в течение 25-ти лет правления Митридат трансформировал Понт из относительно небольшого царства в центральное государство северной Анатолии. Когда сенат постановил освободить Пафлагонию и Каппадокию, он не послал солдат, чтобы подкрепить свои слова, внушив Митридату ложное чувство безопасности. Экспансия понтийского самодержца напрямую зависела от политической ситуации в Риме. При этом использование им Сократа в Вифинии и армянских войск в Каппадокии показывает, что он не хотел играть открыто, а значит, не был агрессором. Возможно, он просто еще не был готов к войне.

В любом случае, при оценке ситуации следует учитывать, что к моменту начала войны все легальные методы установления контроля над сопредельными царствами были исчерпаны. Если раньше Митридат мог действовать через подставных лиц, то теперь это было невозможно. Оставалось только военное разрешение всех споров, с вытекающим отсюда правом победителя. Таким образом, принципиальным и последовательным врагом Рима Митридат стал только со временем⁷².

---

⁷² *McGing B.C. Mithridates Eupator: Victim or Aggressor? P. 207.*

БУГАЕВА Н.В. (МОСКВА)

**EXPOSITIO CONSILIORUM SUORUM:
ТАИНСТВЕННЫЙ ТРУД ЦИЦЕРОНА**

Данная статья продолжает затронутую ранее тему недошедших автобиографических сочинений Цицерона¹. Как и в работе, посвященной поэме *De temporibus suis*, в центре нашего внимания будет преимущественно находиться рассказ Цицерона о событиях 63-62 гг. до н.э. Но если сохранившаяся переписка Отца Отечества во многом компенсирует недостаток информации о его стихотворном наследии, гораздо хуже различимы здесь следы другого произведения, чей эпитет «таинственный»² вполне заслужен. Тем большую значимость обретают немногочисленные свидетельства писателей эпохи Империи.

Комментатор I в. н.э. Асконий Педиан и Блаженный Августин называют утраченное сочинение Цицерона *Expositio consiliorum suorum*, т.е. «Изложение своих замыслов» (*Ascon. ad Cic. In toga cand. p. 74; Augustin. Contra Iul. Pelag. V.5.23*). Грамматик IV в. н.э. Харизий говорит о «Сути своих замыслов (*ratio consiliorum suorum*)» (*Charis. I. p. 146*), а для Боэция это «книга, которую М. Туллий написал о своих замыслах (*M. Tullius <...> in eo libro, quem de consiliis suis composuit*)» (*Boet. De inst. mus. I.1. p. 184*). Несмотря на некоторую вариативность в передаче названия, все латинские авторы I–VI вв. н.э., безусловно, имели в виду один и тот же труд.

Свидетельство Диона Кассия (XXIX.10), которое будет специально рассмотрено далее, не оставляет сомнений, что *Expositio consiliorum suorum / De consiliis suis* имело³ политическую направленность. Мог ли Цицерон, неоднократно обращавшийся к событиям 63-62 гг. до н.э., еще раз вспомнить о них в утраченном ныне произведении? Сообщения Харизия, Блаженного Августина и Боэция не противоречат этой гипотезе. Грамматик отмечает, что у оратора употреб-

---

¹ Бугаева Н.В. *De temporibus suis*: утраченная поэма Цицерона // *Antiquitas inventae*. Саратов, 2008. Вып. 4. С. 98–112.

² March D.A. Cicero and the «gang of five» // *CW*. 1989. № 82. P. 226. Note 6.

³ Хотим специально оговорить, что при согласовании латинских и греческих терминов будем исходить из норм, под которые подпадает соответствующий русский эквивалент или видовое понятие (например: Цицерон в своем [сочинении] *Expositio consiliorum suorum*). Осознавая формальную правоту ученых XIX – нач. XX в., ориентировавшихся на род и число иностранных слов, мы все же считаем, что – при утрате традиции подобного перевода – современный русский язык отвергает некогда приемлемые конструкции.

ляются разные формы *gen. plur.* III гласного склонения: «*Vectigaliorum* [пишет] Цицерон [в письме] к Аттику, [а] также в «Сути своих замыслов», однако в [речи] «О земельном законе» - *vectigalium*» (Charis. I. p. 146). На основании слов Харизия можно предположить, что в автобиографическом сочинении оратора также упоминался законопроект Сервилия Рулла. Не рассказывал ли Цицерон в *Expositio* о своем консульстве, одним из эпизодов которого была борьба со сторонниками аграрных преобразований? Тогда вряд ли он обошел стороной еще более важное событие 63 г. до н.э. – заговор Катилины.

Боэций риторически вопрошает: «Кому же неизвестно, что Пифагор усмирил и вернул в сознание <...> пьяного юношу из Тавромения, возбужденного звуками песен на фригийский лад?» (*De inst. mus.* I.1. p. 184), однако напоминает знаменитую историю. Некий распутник, будучи заперт в соседском доме, обезумев, угрожал поджечь здание. В ту ночь Пифагор, как обычно, бодрствовал, наблюдая за звездами. Друзья уговорили его вмешаться, и едва философ понял, что юношу возбуждает звучание музыки определенного рода, он велел флейтисту изменить ритм на спондей, чем достиг желаемого результата. Боэций весьма примечательно завершает свой рассказ: «[Именно] это упоминает М. Туллий в книге, которую написал о своих замыслах, однако [несколько] иначе [и] следующим образом: “Но - пусть будет мне позволено сравнить по причине некоего сходства наименьшие дела с наибольшими - как [в истории с] пьяными юношами я осадил исполнительской величием их безумную разнузданность (*ut aliqua similitudine adductus maximis minima conferam, ut cum vinolenti adulescentes – et gravitate canentis illorum furentem petulantiam consedissem*)” (ibid.)».

Боэций, цитируя Цицерона, оговаривает, что тот не совсем точен в передаче истории о распутнике из Тавромения. В самом деле, вместо одного нетрезвого молодого человека, у М. Туллия фигурируют как минимум двое. На наш взгляд, лучшее представление о содержащемся в *Expositio* примере дает полемика Августина с Юлианом: «Ты отыскал способ, как можно склонить к ней (прекраснейшей служанке, а именно похоти – Н. Б.) также уши человеческие, и воздвиг [в честь] нее пусть древнейшую, но откровенно хвастливейшую надпись, помня, что поместил в “Изложение своих замыслов” Туллий» (Augustin. *Contra Iul. Pelag.* V.5.23). Согласно Августину, Цицерон рассказывал, как возбужденные звуками флейты

пьяные юноши лომались в дом целомудренной женщины. Когда же, по велению Пифагора, флейтист перешел на спондей, «медленностью ритма и величием исполнения мотива он осадил их безумную разнузданность (*tarditate modorum et gravitate cantus illorum furentem petulantiam resedissee*)» (ibid.).

Августин, в отличие от «последнего римлянина», не претендует на дословное цитирование *Expositio*, однако употребляемый оборот *gravitate cantus illorum furentem petulantiam resedissee* почти полностью совпадает с *gravitate canentis illorum furentem petulantiam consedissee* у Боэция. Это позволяет с еще большим доверием отнести к свидетельству обоих поздних писателей, знатоков творчества Цицерона. Закономерен вопрос: из какого контекста извлечена эта фраза? Что есть «наименьшее» и «наибольшее»? Соблазнительно усматривать здесь сравнение «бытового эпизода» (защита женской чести) со спасением Цицероном государства. И у Боэция, и у Августина прослеживается идея внушения определенного образа действий. *Canens*, т.е. произносящий звучным голосом искусно составленные речи, консул (?) М. Туллий добился своим авторитетом и убедительностью выступления (*gravitate*) краха безумных планов своих противников. С этой точки зрения становится понятным выбор иного, менее распространенного (?), варианта рассказа о Пифагоре. История о запершемся в чужом доме распутнике предоставляла гораздо меньше возможностей для проведения желательных параллелей. Однако кто сопоставлялся с пьяными юношами? Цицерон мог сказать о «безумной разнузданности» Катилины и его сторонников, но нельзя исключить, что в виду имелся, допустим, Клодий.

Весьма интересно сообщение Аскония. Благодаря этому комментатору речей Цицерона частично сохранилась так называемая «Речь в белой тоге», которую оратор произнес, будучи кандидатом в консулы. Асконий сперва цитирует слова Цицерона, а затем поясняет некоторые непонятные моменты. Так М. Туллий утверждает: «Я говорю, отцы-сенаторы, что Катилина и Антоний встретились прошлой ночью со своими посредниками в доме некоего человека, знатного и весьма искусенного в извлечении дохода от щедрых раздач, который снискал [себе этим] известность (*superiore nocte cuiusdam hominis nobilis et valde in hoc largitionis quaestu noti et cogniti domum Catilinam et Antonium cum sequestribus suis convenisse*)» (Ascon. ad Cic. in toga cand. p. 74). Комментатором добавлено: «Он намекает на дом Г. Цезаря или М. Красса. Ведь они были злейшими и могуще-

ственнейшими противниками Цицерона, когда тот добивался консульства, [обеспокоено] наблюдая, как с каждым днем укрепляется его положение в государстве. На это намекает сам Цицерон в «Изложении своих замыслов» (*ipse Cicero in expositione consiliorum suorum significat*). Также он обвиняет М. Красса, что тот был зачинщиком (*arguit M. Crassum auctorem fuisse*) заговора, составленного Катилиной и Пизоном при консулах Котте и Торквате, за год до того, как проносилась эта речь» (*ibid.*).

Чтобы правильно интерпретировать слова Аскония, необходимо вспомнить обстоятельства работы над *Expositio*. Согласно Диону Кассию, последнее писалось уже по возвращении Цицерона из изгнания. Хотя Цезарь и Красс оказали тогда ему содействие, они «не получили никакой ответной благодарности (οὐ μέντοι καὶ χάριν οὐδεμίαν ἀντέλαβον)» (Dio Cass. XXIX.10). Не смея открыто выступить против тех, кто годом раньше способствовал его несчастью, Цицерон «сочинил некую тайную книгу (βιβλίον <...> τι ἀπόρητον) и озаглавил ее как содержащую обоснование своих решений (ἐπέγραψεν αὐτῷ ὡς καὶ περὶ τῶν ἑαυτοῦ βουλευμάτων ἀπολογισμὸν τινα ἔχοντι). Здесь он собрал многое и страшное как о них (Цезаре с Крассом. – Н. Б.), так и о некоторых других (πολλὰ δὲ δὴ καὶ δεινὰ ἐς αὐτὸ καὶ περὶ ἐκείνων καὶ περὶ ἄλλων τινῶν συνέησε). Поэтому, испугавшись, что [книга] не выйдет при его жизни (ζῶντος αὐτοῦ), [Цицерон] запечатал ее и передал сыну, велев, чтобы написанное не было прочитано или [как-либо] обнародовано (ἀναγνῶναι μήτε δημοσιεῦσαι τὰ γεγραμμένα) до того, как он (Цицерон. – Н. Б.) умрет» (*ibid.*).

Дион Кассий приводит название хранящегося в тайне сочинения: *Περὶ τῶν ἑαυτοῦ βουλευμάτων* и, видимо, считает, что М. Туллий младший исполнил просьбу отца⁴. Греческий историк сообщает *terminus post quem* – сентябрь 57 г. до н.э., но едва ли мы ошибемся, если датировем начало работы над тайным сочинением как минимум первой половиной 56 г. до н.э.⁵. Иногда в современной литературе встречается точка зрения, что посмертно опубликована была

⁴ *Schwartz E.* Die Berichte über die catilinarischen Verschwörung // *Hermes*. 1897. Vol. 32. S. 558. Приводимые разными исследователями даты публикации *Expositio consiliorum suorum* являются реконструкцией из логики событий (см. мнение Х. Ласта об обнаруженном в 42 г. до н. э. среди бумаг Цицерона «памфлете *de consiliis*»: *Last H.* Appendix. *The Literary Authorities for Roman History*, 133-44 B.C. // *САН*. 1932. Vol. 9. P. 890).

⁵ Схожую аргументацию относительно поэмы *De temporibus suis* см.: *Бугаева Н.В.* Указ. соч. С. 105. Прим. 23.

поэма *De temporibus suis*⁶. Видимо, ее судьба реконструируется по аналогии с *Expositio*, поскольку античная традиция молчит о хотя бы приблизительных сроках выхода в свет. Еще раз подчеркнем, что не следует путать два написанных примерно в одно и то же время труда Цицерона. Дион Кассий недвусмысленно говорит о *Περὶ τῶν ἑαυτοῦ βουλευμάτων*; наше углубленное исследование показало, что считать поэму сверхразоблачительной по отношению к Крассу и Цезарю – большое преувеличение. Наконец, ситуация, описанная в 39 книге «Римской истории», противоречит факту знакомства Г. Юлия с *De temporibus suis* во время британского похода⁷. Поэтому мы присоединяемся к тем, кто считал посмертно изданным произведением Цицерона, о котором говорит Дион, *Expositio consiliorum suorum*⁸.

Часто встречающееся отождествление его с «Анекдотами» великого оратора⁹ также не имеет под собой твердой почвы. Известно, что в 59 г. до н.э. (т.е. до своего изгнания) Цицерон начал писать «труд в духе Феопомпа» или гораздо язвительнее (*Cic. Att. II.6.2*). Автор не собирался показывать это сочинение никому, кроме Аттика (*ibid.*), и в 44 г. до н.э. оно еще не было закончено (*ibid. XIV.17.6*; ср.: *ibid. XV.2.2*). Со слов греческого историка об *Expositio consiliorum suorum* складывается несколько иное впечатление¹⁰, хотя

⁶ См.: Горенштейн В.О. Комментарии // Цицерон М. Туллий. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М., 1994. Т. 3. С. 596. Прим. 6 к письму DCCXXV; ср.: Griffin M. The Intellectual Developments of the Ciceronian Age // *CAH*². 2001. Vol. IX. P. 712. Note 126.

⁷ См.: Бугаева Н.В. Указ. соч. С. 101–109.

⁸ Schwartz E. Op. cit. S. 557–559; Brunt P.A. Three Passages from Asconius // *CR*. 1957. Vol. 7. P. 193; March D.A. Op. cit. P. 226. Note 6, Grant M. The Ancient Historians. N. Y., 1970. P. 177.

⁹ Schwartz E. Op. cit. S. 558; Arnaud-Lindet M.-P. Histoire et politique à Rome: Les historiens romains IIIe siècle av. J. C. - Ve siècle ap. J. C. Rosny. Bréal, 2001. P. 124; Gudeman A. A New Source in Plutarch's Life of Cicero // *TAPA*. 1889. Vol. 20. P. 145; Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 49; Seager R. The First Catilinarian Conspiracy // *Historia*. 1964. Bd. 13. S. 347; Grant M. Op. cit. P. 177; 439. Note 41; Stone A.M. A House of Notoriety: An Episode in the Campaign for the Consulship in 64 B.C. // *CQ*. 1998. Vol. 48. P. 490–491; Нагуевский Д.И. История римской литературы. Казань, 1911. Т. 1. С. 423; Лившиц Г.М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины. Минск, 1960. С. 11; ср.: Brunt P.A. Op. cit. P. 193; Griffin M. Op. cit. P. 712. Противоположную точку зрения см.: Гурвич П.Б. Античное повествование о заговоре Катилины. Диссер.... канд. истор. наук. М., 1946. С. 77–79.

¹⁰ М.-П. Арно-Линдэ называет *Expositio consiliorum suorum* незаконченным трудом, по-видимому, отождествляя его с «Анекдотами» (Arnaud-Lindet M.-P. Op. cit. P. 124).

нельзя не учитывать возможность, что Цицерон использовал один и тот же материал при работе над хронологически и тематически близкими сочинениями.

На наш взгляд, имелось существенное различие в целях, которые они преследовали. Дион Кассий и отчасти Асконий изображают тайный труд политическим памфлетом страшной разоблачительной силы. С подобным определением *Expositio consiliorum suorum* соглашались многие современные ученые, усматривающие главную задачу Цицерона именно в этом¹¹; но для нас более привлекательна точка зрения Р. Сайма и Э. Росона. Первый предостерегал от скоропалительных выводов, т.к. обвинение могло быть предъявлено в достаточно общей форме¹²; второй относил *Expositio* «к историографии, а не к инвективе»¹³. Принимая во внимание характер свидетельств о недошедшем труде Цицерона, мы склонны согласиться со «скептиками». Ведь в данном случае исследователь рискует попасть в слишком большую зависимость от показаний античных авторов. Писатели эпохи Империи, в отличие от Цицерона в 57–56 гг. до н.э., знали, какой путь пройдет Божественный Юлий и насколько достойным отца окажется приемный сын. Фигура Цезаря маркировала начало нового этапа в политической жизни древнего Рима. Пожалуй, наиболее емко эту мысль выразил автор II–III в. Л. Ампелий: «после начала гражданских войн между Цезарем и Помпеем, когда была насильственно уничтожена свобода (*oppressa per vim libertate*), все перешло под власть одного Цезаря (*sub unius Caesaris potestatem redacta sunt omnia*). С этих пор продолжается непрерывное господство диктаторов Цезарей (*ex eo perpetua Caesarum dictatura dominatur*)» (Amp. XXIX.3)¹⁴.

Неудивительно, что Диона Кассия с Асконием интересовало начало политической карьеры Г. Юлия и действия в качестве триумвира; внимание обоих авторов было подготовлено к тому, чтобы

¹¹ *Schwartz E.* Op. cit. S. 558; *Last H.* Op. cit. P. 890; *Seager R.* Op. cit. S. 346–347; *Grant M.* Op. cit. P. 177. С некоторыми оговорками как атаку на Красса и Цезаря характеризует *Expositio* А.М. Стоун (*Stone A.M.* Op. cit. P. 487–488). Согласно ему, Цицерон замыслил создать суровое обличительное произведение «в манере великого моралиста и историка <...> Феопомпа» (*sic!*), где клеймилось бы не раскрытое злодеяние (*Stone A.M.* Op. cit. P. 490–491). Ср.: *Arnaud-Lindet M.-P.* Op. cit. P. 124; *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 423; *Ливиниц Г.М.* Указ. соч. С. 11, 18.

¹² *Syme R.* *Sallust.* Berkley; Los Angeles, 1964. P. 63.

¹³ Изл. по: *Stone A. M.* Op. cit. P. 488. Note 5.

¹⁴ О «диктатуре Цезарей» у Ампелия см.: *Bessone L.* Di alcuni 'errori' di Floro // *Rivista di Filologia e d'Istruzione classica.* 1978. P. 425–426.

задержаться на соответствующем эпизоде¹⁵. В свете дальнейшего развития событий им казалось особенно важным подчеркнуть, что *Expositio* обличало Цезаря и его союзника Красса. Однако вспомним: Боэций говорит о «книге, которую М. Туллий составил о своих замыслах» (*De inst. mus.* I.1. p. 184). Их помещают на первый план все латинские писатели, упоминая труд Цицерона. Дион Кассий перевел *consilia* как «решения (βουλεύματα)» и, наш взгляд, был прав. То немногое, что известно о поэме *De temporibus suis* и о комплексе автобиографических сочинений 62-60 гг. до н.э.¹⁶, позволяет утверждать, что их главным героем неизменно был сам М. Туллий – преданный интересам Отчизны государственный деятель, защитник благополучия сограждан; акцент всегда делался на его *res gestae*. Происки завистников, интриги недоброжелателей изображались как фон, на котором разворачивалась деятельность Цицерона, как враждебная среда, чье сопротивление приходилось преодолевать. В *Expositio* автор должен был писать в первую очередь о принятых решениях и о замыслах, воплотившихся в конкретные политические меры. Основное внимание, видимо, уделялось разъяснению своих поступков; Цицерон излагал соображения, подвигнувшие его на тот или иной шаг¹⁷. Т.е., вслед за Дионом Кассием, нужно говорить именно об «Обосновании своих решений».

Поскольку тождественность *Expositio* «Анекдотам» не очевидна, базирующиеся на этом постулате выводы требуют дополнительной аргументации. В частности, необходимо еще раз вернуться к проблеме датировки произведения. Значительное число сторонников имеет гипотеза о 44 г. до н.э. – времени, когда Цицерон закончил писать *Expositio*¹⁸. Подобного взгляда придерживается и Ф. Миллар, считающий, что рассказ Диона Кассия есть искаженное упоминание о работе, известной как «Анекдоты»¹⁹. Согласно исследователю,

¹⁵ На особенность античной традиции придавать повышенное значение фактам из ранней карьеры Цезаря указывал еще Э. Бизли (*Beesly E. Catiline // Catiline, Clodius and Tiberius. L., 1878. P. 17*).

¹⁶ Т. е. *Commentarius*, ὑπόμνημα и *De consulatu suo*. См.: Бугаева Н.В. Заговор Катилины в кратких сообщениях поздней латинской традиции. Диссер.... канд. истор. наук. М., 2008. С. 31–52; она же. *De temporibus suis*.: С. 98–112.

¹⁷ Ср. точку зрения М. Гранта, что Цицерон написал «самооправдательный по характеру <...> меморандум» о своем консульстве: *Grant M. Op. cit. P. 177*.

¹⁸ Лувинц Г.М. Указ. соч. С. 11; *Millar F. Op. cit. P. 49*. Ср.: *Gudeman A. Op. cit. P. 145*; *Stone A.M. Op. cit. P. 490–491*; *Brunt P.A. Op. cit. P. 193*; *Arnaud-Lindet M.-P. Op. cit. P. 124*.

¹⁹ *Millar F. Op. cit. P. 49*.

грубую ошибку в датировке «Обоснования своих решений» выдает возраст сына Цицерона, которому в 57 г. до н.э. было 8 лет²⁰. Но данное обстоятельство вовсе не является существенным. Цицерон, отнюдь не собирающийся умирать в ближайшие годы, мог *завещать* Марку опечатанную рукопись с условием публикации. Если бы смерть Цицерона наступила при наследнике-ребенке, обязанность исполнить последнюю волю переходила к опекунам.

С других позиций пытались атаковать сообщение Диона Кассия в XIX в. И. Орелли и Р. Клотц предваряют издание сохранившихся фрагментов *Expositio* рассуждениями германского филолога К. Ноббе²¹. Он полагал, что когда влияние Цицерона возросло, тот снискал ненависть могущественных людей Римской республики, в частности Цезаря и Красса (ср.: *Ascon. ad Cic. In toga cand.* p. 74). Противодействуя их козням, кандидат М. Туллий опубликовал специальный труд, чтобы доказать свою благонамеренность и сохранить шансы на консулат. К. Ноббе также допускает, что Цицерон писал после 63 г. до н.э., защищаясь от клеветы и отражая нападки на свои *res gestae*. Немецкий ученый приводит следующий аргумент: «Ведь хотя может показаться, что в книге, которую [Цицерон] написал о своем консулате, он сделал то же самое (бросил упрек Крассу и Цезарю. – Н.В.), на основании свидетельств Аскония и Боэция можно увидеть, что он поступил так в одной-единственной книге. Поэтому мне кажется, что [Цицерон] завершил ее примерно в период своего консулата (*quapropter hunc circa consulatus sui tempora confecisse mihi vedetur*)»²². И. Орелли настолько убежден доводами К. Ноббе, что дополняет его рассуждения примечанием: *corrigenenda haec ex Cassio Dione XXXIX.10*»²³.

Все же логика германского филолога представляется нам безупречной. Допустим, можно принять *argumentum ex silentio* у Аскония, что Цезарь и Красс были обвинены исключительно в *Exposi-*

²⁰ Ibid.

²¹ *Cicero M. Tullius. Opera quae supersunt omnia ac deperditorum fragmenta.* Turici, 1833. Vol. 5. Pars 2. Ed. Io. Casp. Orellius. P. 991–992; *idem. Scripta quae manserunt omnia.* Pars 2. Vol. 3. Lipsiae, 1864. Recognovit R. Klotz. P. 302.

²² *Cicero M. Tullius. Opera quae supersunt...* Vol. 5. Pars 2. P. 991–992; *idem. Scripta quae manserunt...* Pars 4. Vol. 3. P. 302.

²³ *Cicero M. Tullius. Opera quae supersunt...* Vol. 5. Pars 2. P. 991–992. Имя И. Орелли отсутствует на форзаце второй части пятого тома, издаваемой под его руководством серии, однако И. Байтер и К. Халм снабжают соответствующую пометку ссылкой на мнение коллеги.

*tio*²⁴. Однако где уверенность, что в книге, главным героем которой был Цицерон, а не триумвиры, в цитируемом Блаженным Августином пассаже речь шла о Цезаре и Крассе? Мы уже говорили, что здесь могли подразумеваться катилинарцы или сторонники Клодия. Аргументация К. Ноббе из логики событий и современных представлений об эпохе Цицерона также очень уязвима. Книги пишут, располагая свободным временем, но никак не ведя предвыборную кампанию или находясь на посту консула в весьма беспокойный год. *Ното novus* должен был выстраивать отношения с коллегой, сенатскими группировками, бороться со сторонниками законопроекта Сервилия Рулла, агитацией Катилины, участвовать в имеющем принципиальное значение процессе Рабирия и т.д. Перечень – неполный! – консульских речей, приводимый Цицероном в письме Аттику, хорошо отражает степень его загруженности в 63 г. до н.э.²⁵. Подобная обстановка больше требовала решения текущих задач через ораторские выступления. Это же относится и к кандидатской агитации.

К. Ноббе, вероятно, исходит из тезиса, что враждебность Цицерона к Крассу и Цезарю есть атрибут конкретного периода 64–61 гг. до н.э. Однако ситуация, которую изображает Дион Кассий, хорошо согласуется со сведениями из других источников. Рассказ о столкновении с Цезарем на почве судебного процесса Г. Антония, коллеги Цицерона по консульству (Dio Cass. XXXVIII.10), подтверждается Светонием (*Iul.* 20.4; ср.: Cic. *De domo sua.* 41). В то же время античная традиция сохранила память о некоторой взаимной лояльности обоих политиков в 62–60 гг. до н.э. Если верить Светонию, бывший консул помог Г. Юлию во время следствия по делу заговорщиков (*Iul.* 17). Получившая окончательное оформление к сер. 60 г. до н.э. (Cic. *Att.* II.1.3) Четвертая Катилинария отнюдь не враждебна Цезарю. Согласно Плутарху, читавшему «Записки» Цицерона, открытое обвинение триумвиров в поддержке заговора там отсутствовало (*Crass.* 13). Греческий биограф говорит о причастно-

²⁴ Имеется также замечание Плутарха, что Цицерон открыто обвинил Цезаря и Красса в причастности к заговору Катилины лишь «в некоем сочинении (ὁ λόγος)», которое было опубликовано после смерти обоих (Plut. *Crass.* 13). Как правило, считается, что Плутарх имел в виду *Expositio*; иную точку зрения см.: Гурвич П.Б. Указ. соч. С. 79–80.

²⁵ Ср. аргументацию В.Е. Гваткина о наиболее раннем сроке публикации литературно переработанной Первой Катилинарии: *Gwatkin W.E. Cicero in Catilinam 1.19 – Catiline's Attempt to Place Himself in Libera Custodia // ТАРА. 1934. Vol. 65. P. 280.*

сти Цезаря с Крассом к изгнанию Отца Отечества (Plut. *Cic.* 30; *Caes.* 14; ср.: *Cic. Pro Sestio.* 39-40; *De resp. har.* 47).

Таким образом, попытки оспорить сообщение Диона Кассия успеха, на наш взгляд, не имеют, и пока не доказано обратное, датировка *Expositio* должна оставаться прежней – после 57 г. до н.э. Это имеет большое значение, поскольку хронологическая близость тайного сочинения Цицерона к поэме *De temporibus suis* позволяет *mutatis mutandis* – полагаться на сделанные относительно нее выводы.

Асконий свидетельствует, что в «Обоснованиях своих решений» великий оратор касался событий 64 г. до н.э., а слова Диона Кассия наводят на мысль, что труд был доведен как минимум до 58 г. до н.э. Ведь едва ли Цицерон упустил возможность попенять триумвирам за то, что они допустили изгнание второго основателя Рима. В статье, посвященной *De temporibus suis*, мы подробно рассмотрели письмо за июнь 56 г. до н.э. к историку Л. Лукцею²⁶. Цицерону хотелось, чтобы тот затронул в специальной монографии период «от начала заговора до нашего возвращения» (*Cic. Fam.* V.12.4). Если ориентироваться на «Римскую историю», *Expositio* были написаны примерно в период, когда автор ждал от Лукцея выполнения предварительной договоренности и работал над некими «записками обо всех событиях (*commentarios rerum omnium*)» (*ibid.* 10). Просьба изобразить яркими красками «вероломство, козни и предательство многих» (*ibid.* 4), вероятно, уходила корнями в концепцию этих записок. Намерение выдвинуть на первый план личность героического консула, несправедливо изгнанного спасителя Отчизны, было, по-видимому, характерно не только для предложенного Лукцею плана монографии. Получается, что «записки» 56 г. до н.э. имели сходство с *Expositio*, и возникает вопрос: были ли они «Обоснованием своих решений» или хотя бы его предтечей?

Цицерон хотел ускорить работу историка и знал, какого рода сочинение лучше всего помогло бы ему: насыщенное фактами и помогающее ориентироваться в хитросплетении политических интриг, претендующее на некоторую разоблачительность. Здесь требовался иной жанр, чем автобиографические поэмы Цицерона (в частности, написанная приблизительно тогда же *De temporibus suis*). Кроме «Анекдотов» неизвестно другое произведение «на злобу дня», работа над которым велась бы в 57-50 гг. до н.э. Таким обра-

²⁶ О причинах написания этого письма и о его содержании см.: Бугаева Н.В. *De temporibus suis*... С. 102–104.

зом, гипотеза о тождественности «записок» 56 г. до н. э. *Expositio* весьма заманчива. Но как она согласуется со словами Диона Кассия о строжайшей тайне, в которой Цицерон хранил рукопись?

Можно вспомнить, что ореол секретности окутывал не только «Обоснование своих решений». Цицерон не предполагал издать поэму *De temporibus suis*, распространяя ее с должными предосторожностями среди близких людей. Весьма примечательно, что уже после двусмысленного отзыва Цезаря Цицерон посылает стихи с надежным человеком П. Корнелию Лентулу Спинтеру (*ibid.* I.9.23). Т.е. к произведениям, имеющим репутацию тайных, доступ (хотя и ограниченный) имелся. В случае с «Анекдотами» исключение делалось для Аттика (*Cic. Att.* II.6.2). Письмом за июнь 56 г. до н.э. Отец Отечества информирует последнего о благоприятном ответе Лукцея и дает ряд связанных с этим поручений (*ibid.* IV.6.4). А в конце апреля 55 г. до н.э. Атик снова выступает посредником: Цицерон просит передать Лукцею некую «нашу книгу (*nostrum librum*)» (*ibid.* 11.2). Нельзя исключать, что в виду имелись именно «записки». По нашему мнению, в случае с ними сложилась не столь редкая (судя по переписке Цицерона) ситуация: автор воздержался от публикации труда, хотя и предоставил его узкому кругу избранных читателей. Снабдить соответствующей рукописью Лукцея было очень соблазнительно, а историк, вовсе не новичок в политике, должен был понимать, какие пределы очерчивает доверие Цицерона.

Э. Шварц отказывался отождествить «записки» с *Expositio*, поскольку после 56 г. до н.э. Цицерон не рискнул бы посылать стороннику Помпея труд, атакующий Цезаря и Красса²⁷. Однако сомнительно, чтобы Лукцей принимал близко к сердцу обвинения в их адрес. Отношения между триумвирами были далеки от идиллических; хотя союз отвечал интересам заключивших его лиц, никто из них не отказался от преследования собственных политических целей, «держа камень за пазухой». Таким образом, гипотеза об идентичности *Expositio* запискам 56 г. до н.э. вполне согласуется со сведениями античной традиции и имеет право на существование.

²⁷ *Schwartz E. Op. cit. S. 558.*

ГУСЬКОВ Е.А. (САМАРА)

АВЛ ВИРГИЙ МАРС И ПРОБЛЕМА КОЛИЧЕСТВА ПРЕТОРИАНСКИХ КОГОРТ В ПЕРИОД ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

Преторианская гвардия, созданная Августом преимущественно в целях личной охраны, вскоре превратилась в элиту римских вооруженных сил и стала играть видную роль в политической жизни государства. Благодаря этому, почти вся ее история оказалась богато (хотя и неравномерно) освещенной в наших источниках, особенно - период от последних Юлиев-Клавдиев до Северов. Но начальный и заключительный этапы истории гвардии известны плохо из-за низкой политической и военной активности корпуса и неудовлетворительного состояния источников. Данная работа посвящена одной проблеме из ранней истории гвардии; ее цель – определить общее количество преторианских когорт в составе императорского корпуса во время правления его создателя.

Исследователями давно отмечены несоответствия по этому поводу в сохранившихся до наших дней свидетельствах Тацита и Диона Кассия – авторов тех исторических трудов, что ныне составляют костяк античной нарративной традиции периода Ранней империи¹.

Описывая структуру военной организации Римского государства 20-х гг. I в. н.э., Тацит, современник ранних Антонинов, останавливается и на «городском гарнизоне» Рима. По его сведениям, в 23 г. н.э. покой столицы стерегли 3 городские и 9 преторианских когорт (*Ann.* IV.5.5: *tres urbanae, novem praetoriae cohortes*). Впрочем, как можно заметить, информация древнего автора относится ко времени не самого Августа, а его преемника и соправителя в последние годы – Тиберия. Но приводимые Тацитом цифры применялись и по отношению ко времени Августа, так как нет никаких *прямых* свидетельств тому, что количество преторианских когорт в

---

¹ *Mommsen Th.* Die Gardetruppen der römischen Republik und der Kaiserzeit // *Hermes.* 1879. Bd. 14. S. 30–31; *Passerini A.* Le coorti pretorie. Roma, 1939. P. 44 f.; *Letta C.* Le imagines Caesarum di un praefectus castrorum Aegypti e l` XI coorte pretoria // *Athenaeum.* 1978. Vol. 56. P. 10–11; *Kennedy D.L.* Some Observations on the Praetorian Guard // *Ancient Society.* 1978. Vol. 9. P. 275; *Keppie L.* The Praetorian Guard before Sejanus // *Athenaeum.* 1996. Vol. 84. P. 107–112 и др.

эти годы каким-либо образом изменялось. Это, в свою очередь, предопределило отношение новейших историков к жившему приблизительно веком позднее Диону Кассию, который говорит о несколько иной цифре: по его данным, к началу новой эры гвардия имела 10 когорт по 1000 человек в каждом подразделении (Dio Cass. LV.24).

Сегодня в распоряжении историков есть еще один источник – обнаруженная относительно недавно (в 1976 г.) в центральной Италии надпись, датируемая первой половиной I в. н.э. и содержащая посвящение некоему Авлу Виргию Марсу, сыну Луция (AE. 1978.286). Примечательно, что *cursus militum* этого человека включал в себя трибунат в XI-ой и IV-ой преторианских когортах *in praetorio divi Augusti et Tiberii Caesaris Augusti* (стк. 4–5). Таким образом, уже при Августе гвардия могла насчитывать 11 когорт, а принимая во внимание гипотезу французского историка М. Дюрри, что структура претория базировалась на принципе кратности трем², недалеко и до вывода о присутствии 12-ти когорт в ее составе.

Следовательно, перед нами уже три различные версии, но всерьез сегодня обсуждаются всего лишь две из них. Еще до обнаружения указанного эпиграфического памятника расхождения в нарративе римских авторов разрешались, по сути, схожими путями: информация Кассия Диона признавалась в той или иной степени ошибочной, а Тацита – несомненной³. Очень часто при этом подтверждением анахроничности сообщения о 10-ти когортах Августа служат ссылки на другие ошибки северовского историка, что не может, конечно же, быть окончательным аргументом в каждом

² Durry M. Les cohortes pretoriennes. P., 1938. P. 77–78. Впрочем, к этой «магии чисел» в научной литературе относятся скептически: Парфенов В.Н. К оценке военных реформ Августа // АМА. 1990. Вып. 7. С. 67; он же. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 16.

³ Отчасти это произошло оттого, что посвящение Виргию Марсу является единственной надписью, где документируется XI когорта претория в интересующий нас период. Прежде исследователи сталкивались только с меньшими порядковыми номерами (например, ILS. 2028; 9494), что косвенно вполне удовлетворяло девяти когортам Тацита. Сведения же о X, XI и XII подразделениях относятся к гораздо более позднему времени принципата Клавдия I и Нерона (см.: Kerrie L. Op. cit. P. 108. Note 64), что, в свою очередь (опять же косвенно), убеждало в правоте автора «Анналов»: ведь его рассказ о правлении Гая и начальных годах властвования его преемника, когда произошло предполагаемое приращение корпуса, сегодня утрачен, из-за чего это событие оказалось не освященным в сохранившемся нарративе.

конкретном случае: необходимо доказать, что Дион Кассий ошибся или, напротив, достоверен именно здесь, а не в другом эпизоде. Поэтому, представляется важным не отметить его свидетельства только на том основании, что они подозрительно перекликаются с его собственным временем.

В рассказе этих авторов называется общее количество подразделений претория, в отличие от текста указанной надписи, где воспроизводятся лишь номера отдельных когорт, поэтому остановимся на ней. Карьерный путь Виргия Марса, по крайней мере, в том виде, как он представлен в посвящении, выглядит стандартно⁴. Правда, в перечне отсутствуют наиболее ранние его этапы, и это не позволяет более или менее точно рассчитать время отправления обязанностей на каждом конкретном посту. Опираясь на другие надписи, можно предположить, что должности примипила в III Галльском легионе предшествовал центурионат в рядах претория, а ему, в свою очередь, может быть, и в прочих столичных частях⁵. Каким было самое начало его карьеры неясно; вполне возможно, он стартовал с самых низов – *ex milibus gregariis*. Во всяком случае, нет никаких обстоятельств, которые бы могли препятствовать считать его рядовым преторианским воином (судя по его имени и месту обнаружения данного памятника [*Lecce dei Marsi*], Виргий вполне мог претендовать на попадание в гвардию по тем критериям, которые предъявлялись в то время при наборе⁶). Также мало что можно сказать о способе, которым он приобрел звание центуриона: не исключено, что отслужив положенные 12 лет⁷, он проходил эвокатуру (ни о каких особых заслугах или наградах в надписи не говорится, что вряд ли было бы возможно в случае, если бы таковые имелись). Должность *primus pilus*, предоставлявшаяся наиболее опыт-

⁴ В данной работе я рассмотрю только военную карьеру этого героя; о его деятельности на гражданском поприще см.: *Letta C. Op. cit.* P. 12–14.

⁵ См., например, карьеру его младшего современника: *CIL. XI.395 (= ILS. 2648)*.

⁶ *Durry M. Praetoriae cohortes // RE. 1954. Bd. 44. Sp. 1626; Sasel J. Zur Rekrutierung der Pratorianer // Historia. 1972. Bd. 21. S. 474.*

⁷ Если считать, что трибунат Марса падает на последние годы жизни Августа, то служба рядовым воином приходилась на период перед реформами 5–6 гг. н.э., когда срок рядовой выслуги в гвардии был увеличен до 16-ти лет (*Dio Cass. LIV.25; LV.23*). Вместе с этим легионеры были обязаны служить 20 лет вместо прежних 16-ти, а по окончании активной службы – еще 5 лет пребывать в качестве ветеранов (*ibid.*; *Suet. Aug. 49.2*). См.: *Wells C.M. Celibate Soldiers. Augustus and the Army // AJAH. 1998. Vol. 14. No. 2. P. 184.*

ным и заслуженным центурионам, открыла ему дорогу во всадническое сословие и, безусловно, стала важной вехой в его жизни.

Темным местом остается время повторного исполнения обязанностей примипила: происходило ли это сразу вслед за первым назначением, как можно понять из надписи, или позднее, что было более характерно (обычно – после трибуната в легионе или в одной из столичных частей⁸)? Скорее всего, эта ступень находилась почти на самом верху его карьерной лестницы, разделив две столичные службы⁹. Подобное объединение однотипных постов (два примипилата и два трибуната) в тексте надписи, очевидно, диктовалось соображениями стилистики и, в меньшей степени, экономии пространства на стеле.

Три следующих назначения стали возможны только благодаря серии военных реформ Августа, специально создавшего посты для лиц всаднического ранга. Одним из них был пост *praefectus castrorum* (префект лагеря), занимавший в тогда еще формировавшейся иерархии должностей в легионе третье место после *legatus* и *tribunus laticlavius*: ими могли быть только сенаторы. Однако в «биографии» Виргия Марса специально уточняется, что он был не просто лагерным начальником, а именно *praefectus castrorum Aegypti*, т.е. в той провинции, доступ в которую сенаторам был «заказан». Фактически это означает, что Марс возглавлял один из расположенных здесь легионов – III *Cyrenaica* или XXII *Deiotariana*. Конечно, формально эти функции осуществлялись на правах замещения (*praefectus castrorum* = *praefectus castrorum legionis* [со времен Домициана I] = *praefectus legionis* [после Септимия Севера]). В принципе, если учитывать, что до конца I в. н.э. один и тот же лагерь мог заниматься не одним легионом, полномочия префекта экстраполировались, возможно, на обе части. Это только предположение, доказать которое сложно по причине отсутствия сведений о месте дислокации III Киренаикского легиона в первое десятилетие новой эры¹⁰.

Этот пост – *praefectus castrorum*, – сопряженный с действительно важными в военном плане обязанностями (Veg. II.10), занимали, как правило, опытные и умелые центурионы из числа примипилов-

⁸ Durry M. Praetoriae... Sp. 1623–1624.

⁹ См. прим. 12.

¹⁰ Позднее, во времена Гая (Калигулы), этот легион базировался, без сомнения, в Александрии вместе с находившимся там еще с момента катастрофы в Тевтобургском лесу XXII Дейотаровым легионом.

¹¹, к которым принадлежал и наш герой. Это, кстати, может служить дополнительным доводом в пользу достаточной продолжительности раннего этапа его карьеры.

Далее в перечне указывается, что новым назначением Виргия становится *praefectus fabrum* (начальник саперов) – пост, относящийся к числу важнейших, хотя его строгое иерархическое место при Августе еще, судя по всему, не было определено. Так, подобно *cur-sus*'у Марса, он следует за (иногда двукратным) примипилатом, например, в карьере М. Вергилия Галла Лузия (ILS. 2690), С. Авлиена (ILS. 2688) и Л. Овиния Руфа (ILS. 2021), современников нашего персонажа. Однако у Овиния этому этапу предшествовал трибунат в столице (в III преторианской когорте), тогда как у остальных начальство над когортами венчает действительную строевую службу, но эти флуктуации – признак еще неустоявшейся иерархии, оформление которой начнется позднее (Suet. *Claud.* 25.1).

Карьера Виргия Марса, таким образом, идет по восходящей линии, а ее отображение в тексте посвящения является последовательным. Вероятно, то же самое можно сказать и о перечислении здесь столичных служб. Впрочем, ряд исследователей считает, что как раз в этой части была допущена хронологическая ошибка, причиной которой могла послужить элементарная небрежность¹². Однако, по меньшей мере, было бы странным исказить карьерную лестницу на наиболее важных ее ступенях и точно воспроизводить менее значительные. Здесь же следует обратить внимание на то, что в надписях в одной карьере, как правило, центурии или когорты с большими порядковыми номерами упоминаются прежде тех, которые носили меньшие номера, а это косвенно может говорить о том, что, например, перевод центуриона из VI-ой центурии в V-ю, IV-ю и т.д., рассматривался как повышение. Вероятно, то же самое происходило и с когортами. О подобной практике в легионах мы находим упоминание у Вегеция (II.21). Сложно сказать, было ли так в гвардии, но регулярность, с которой трибунаты в когортах претория следуют этой тенденции, позволяет делать подобные выводы. В данном отношении эта надпись полностью им отвечает, и

¹¹ Рубцов С.М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I – начало II в. н.э.). СПб.; М., 2003. С. 101, 102.

¹² Dobson B. Praefectus Castrorum Aegypti – a Reconsideration // *Chronique d'Egypte*. 1982. Vol. 58. P. 328 (с примерами ошибок в других надписях); Letta C. Op. cit. P. 11.

нет сколько-нибудь весомых аргументов выносить ее из общего правила.

Предлагается также вместо *XI praetoria* читать *urbana*¹³, для чего есть некоторые параллельные основания: например, уже упоминавшийся Овиний Руф примерно в то же время служил именно в *cohors XI urbana* (ILS. 2021); вдобавок, высказывалось предположение, что слово PRAETORIAR(VM) может относиться не к обеим когортам, а только к последней, т.е. IV-ой, а первая из них вполне могла быть и городской¹⁴. Правда, на мой взгляд, восстановление опущенного в тексте окончания не допускает особого разнообразия вариантов: по крайней мере, грамматически оно относится не только к последнему члену этого ряда, а значит – необходимо признать, что речь может идти только о преторианской гвардии.

Если общая нумерация преторианских и городских частей ведет свое начало от Августа, то тогда становится непонятным, как Виргий мог возглавлять когарту претория с таким же порядковым номером? Существование XI-ого подразделения городского корпуса ограничивает состав гвардии, самое большее, десятью когортами – той цифрой, которую встречаем у Диона Кассия. Ошибался ли в таком случае Тацит? Представляется, что нет. Ведь его информация, во-первых, описывает время Тиберия, во-вторых, пусть и косвенно, но все же подтверждается другими надписями и в-третьих, наличие XI городской когорты также не противоречит его данным. Кроме того, возникает тогда вопрос: откуда вообще Тацит черпал информацию для своего «военно-стратегического обзора»? Если предполагаемую ошибку Диона еще можно объяснить перенесением реалий северовской эпохи ко времени начала империи, то про Корнелия Тацита сказать такое сложно. Хотя, безусловно, и он периодически допускает анахронизмы, но в применении к данному случаю это объяснение совершенно не подходит, ведь в его время гвардия состояла, как и веком позднее, из 10 когорт. Быть может, он, будучи современником преобразований гвардии при Домициане, воспроизвел памятную ему дореформенную ситуацию 70-х гг.¹⁵, когда корпус действительно состоял из 9 частей? Но историку, с

¹³ Об этом см. *Bingham S.-J. The Praetorian Guard in the Political and Social Life of Julio-Claudian Rome. Ottawa, 1997. P. 46.*

¹⁴ *Ibid.* P. 46. Note 35.

¹⁵ Сомнительно, что он мог лично помнить о 12-ти когортах во времена Нерона.

другой стороны, известны эпизоды с трансформацией состава императорского корпуса в другие времена (Тас. *Hist.* II.93). Значит, он специально разыскивал данные или, во всяком случае, был очень внимателен к свидетельствам своих предшественников. Поэтому, надо полагать, его сведения о 9-ти когортах Тиберия опираются, по всей видимости, на какой-то источник, современный описываемой эпохе («Анналы» Ауфидия Басса¹⁶?).

Отсюда, можно сделать только единственный вывод: при Августе гвардия вообще не имела строго определенного набора когорт и их число периодически изменялось¹⁷. В связи с этим, уместно опять обратиться к Диону Кассию. Хотя сейчас и невозможно сказать что-либо определенное, но при подобном раскладе его сведения могут оказаться верными по существу, просто приписываемый ему анахронизм в два столетия должен быть, очевидно, сжат в более скромные рамки: от 44 г. до н.э. до 14 г. н.э. Наверное, в его распоряжении были какие-то данные относительно эпохи II триумvirата (или первых годах принципата) о 10 000 преторианцев в 10 когортах Октавиана, которую он механически перенес к рубежу двух эр. Представляется, что это более вероятно, чем то, что предлагали Т. Моммзен и – особенно – М. Дюрри, частично или напроочь отрицая достоверность сообщений Диона. По замечанию В.Н. Парфенова, «к определению численности воинских подразделений времени Августа этот античный историк отнесся очень внимательно»¹⁸. С этим трудно не согласиться, принимая во внимание, что Кассий Дион сам намекает на то, что целенаправленно стремился установить численность, по крайней мере, отдельных столичных отрядов (LV.24).

Кроме того, обстановка гражданской войны 40–30-х гг. до н.э. делает вполне правдоподобным и указание Диона в части типологии преторианских подразделений: являясь несомненно пятисотенными в мирный период жизни Августа и при его ближайших преемниках, они вполне могли быть миллиарными во время борьбы Октавиана за господство в Риме, когда существовала более серьезная угроза его жизни и власти, чем те внутривосточные колли-

¹⁶ Модестов В.И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888. С. 568 сл.; *Syme R. Tacitus. Oxf., 1997. Vol. 1. P. 274, 288.*

¹⁷ К этому выводу задолго до открытия памятника в *Lecce dei Marsi* пришел еще А. Пассерини: *Loc. cit.*

¹⁸ Парфенов В.Н. К оценке... С. 69.

зии, с которыми он столкнулся после Актийской битвы. Возможную дату, когда когорты стали пятисотенными, невозможно назвать, равно как и установить точную датировку изменения числа самих подразделений, за исключением последнего (?) преобразования гвардии Августом.

Итак, в конце правления основателя принципата преторианский корпус насчитывал, как минимум, 11 когорт. К сожалению, нельзя определенно сказать, полное ли это число или только часть общего. Столь же уклончивым является и Светоний, говорящий о том, что в Риме у Августа было не более трех когорт (*Aug. 49.1: neque tamen unquam plures quam tres cohortes in urbe esse passus est*). Однако нет ничего невозможного в том, чтобы предположить, что общий состав гвардии равнялся 12-ти подразделениям¹⁹, ведь в дальнейшем (до гражданской войны 68–69 гг. н.э.) именно он будет стандартным. Таким образом, вероятно, преемники Августа всего лишь вернулись к первоначальному составу. Приблизительно в конце правления Августа три когорты были «перепрофилированы» в *cohortes urbanae*²⁰, и, по всей вероятности, именно о них и говорит Светоний.

Версия о редесигнации части преторианских когорт, повлекшей возникновение менее привилегированных городских подразделений, наиболее очевидна. Для чего Августу нужно было набирать людей в новый корпус, если у него под рукой уже было 12 рассеянных в окрестностях когорт, которые он не мог в полной мере использовать в столице, не встретив противодействия в общественном мнении, которым очень дорожил? Гораздо проще было ввести в столицу часть уже имеющихся сил, переподчинив их сенату или, точнее, *praefecto Urbi*, ответственному перед самим императором (впрочем, кому на самом деле подчинялись городские когорты – это вопрос, требующий индивидуального рассмотрения), да и связывающий оба столичных подразделения общий числовой ряд также позволяет строить догадки относительно их единого происхождения.

---

¹⁹ Некоторые современные авторы почти не сомневаются в том, что при Августе их в общей сложности было 12 (например: *Rankov B. The Praetorian Guard. L., 1994. P. 5, 7*).

²⁰ Об этой гипотезе см.: *Keppie L. Op. cit. P. 109*.

Здесь я намеренно не касался некоторых указаний Цицерона, Аппиана и Павла Орозия, посчитав их слишком отрывочными и относящимися ко времени гражданских войн, когда быстро меняющаяся военно-политическая конъюнктура требовала от Октавиана оперативной реакции на возникающие проблемы. И если вывод о непостоянстве состава гвардии верен, то это в еще большей степени относится ко времени *до* установления принципата, а следовательно, вопрос о количестве когорт триумвира Октавиана и его соперников должен изучаться отдельно.

Иллюстрации к статье Н. Кленышевой

Рис. 1, 1а. Крышка саркофага, 160–180 гг.
Лондон, Британский музей.

Рис. 2. Рельеф саркофага, 240 г. Мюнхен, Глиптотека.